

Владислав Крупиньски

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ (повесть)

*Перевод с польского
Т. Фёдорова.*

Королю
Европы и Польши
и всему населению
наша любовь и уважение
каждого члена
семейного коллектива
от автора перевода
Григорий
17.08.03.

ВЛАДИСЛАВ КРУПИНЬСКИ

Известный польский писатель, автор многих детективов.

*В повести «Исчезновение»
события происходят в шестидесятых годах прошлого века.*

Т. Федоров

**ФЕДОРОВ Тимир Николаевич,
Член союза творческих работников
города Березовского.
Это его четвертая изданная книга**

ГЛАВА 1

Сотню лет, сотню лет!.. – раздавалось в небольшой хорошо меблированной квартире.

Компания была уже изрядно навеселе.

– Пани Галинка! Я тоже желаю вам отмечать столетие, – сказал Казик...

– Спасибо, большое спасибо.

– Выпьете, пани, со мной?

– Но только немножко.

– А со мной? – произнёс едва стоящий на ногах Альфред.

– С паном, конечно, тоже. Галина притронулась губами к вину и решительно отставила рюмку на маленький столик.

– А где ваша мама? – спросил Альфред.

– Должна уже давно быть. Не знаю, что случилось. Телефон молчит как заклятый. Пыталась сама несколько раз звонить, но... Увы, безрезультатно.

– Может, попробуем вместе?

– Прошу.

Прошли в маленькую прихожую, где стоял телефон, и было относительно тихо. Набрала номер и снова услышала продолжительные гудки. Долго держала трубку.

– Нечего, – сказала, опуская трубку на аппарат.

– Ну, я пойду, – шепнул Альфред, – выпил лишнего и не хочу быть причиной скандала.

– Это почему?

– Я вас ревную и могу кого-нибудь отсюда выбросить.

– Пан инженер?

– Требуются доказательства?

– Нет, не нужны.

Усмехнулся:

– Исчезаю. «По-английски», без прощания. Никто не заметит. Благодарю за всё и целую ручки.

– До свидания, – закрыла за ним дверь и пошла гостям.

– Где пани, пани Галинка была? – спросил заплетающимся языком Казик.

– Звонила к матери.

-- И что?

– Не отвечает.

-- Сотню лет, сотню лет!.. – снова начал Казик.

Галина всерьёз уже забеспокоилась о матери. Не могла понять, что ее задержало больше трех дней. Предчувствовала нехорошее. И, хотя любила компании, сейчас ей хотелось остаться одной. Начинало действовать на нервы это пьяное пение.

– Может, потанцуем? – предложила одна из подруг. Предложение было охотно подхвачено. Включили магнитофон и все задвигались в танце.

Галина вышла в прихожую, снова подняла трубку и набрала номер. Гудки. Нервное напряжение росло. «Что могло случиться?» – задавала она себе вопрос уже не первый раз за этот вечер.

Гости танцевали «до упаду». Кавалеры посбрасывали с себя пиджаки, ослабили галстуки, девушки одна за одной сбрасывали туфли. Кто-то схватил Галину за руку, когда она очутилась среди танцующих.

-- Браво, пани Галина! – Крикнул молчавший до сих пор Роман, самый старший из всей компании. Он был непосредственным начальником Галины.

– Вам здесь нравится, пан начальник?

– Да, моя дорогая, изумительно прекрасный вечер!

– Мне очень приятно.

– А где ваша мама?

– Она в командировке и, очевидно, задерживается.

– Мы с вами также должны как-нибудь выбраться в служебную поездку, – шепнул он ей на ухо.

Она не узнавала своего начальника. Была уверена, что это хмельной бред. Завтра будет снова официальным сухарём.

– Выберемся, если пан меня пригласит.

– Даю слово, что приглашу. Поедем только вдвоём.

– А шофёр?

– Он нам не понадобится.

– А кто поведёт машину?

– Пани, – он засмеялся, – это же умора!

Галина не совсем понимала, что с ним творится.

Поплыла мелодия сентиментального танго. Он пригласил её на танец. Могла слаться на дела в кухне и отказаться, но отбросила эту мысль.

Веселье прервал бой часов. Полночь. Кто-то, наконец, засобирался домой. Галина проводила всех до дверей. Последним уходил шеф.

— Пани Галина, разрешаю завтра опоздать А насчёт нашей поездки можете быть уверены.

— Думаю, что как всегда, буду пунктуальна.

— Спасибо, пани, за прекрасный вечер, — поцеловал ей руку. Это её немного смущило. Никогда раньше он этого не делал. Даже в дни праздников, когда вручал цветы, премию или подарок.

После ухода гостей настроилась на уборку, а обычно в это время была уже в кровати.

Часы пробили третий час, а она всё не могла уснуть. Ждала. Все прислушивалась к

телефону. Казалось, что он позвякивает. Но он молчал как проклятый.

Разбудило её постукивание в дверь. Выскочила из-под одеяла, подошла к двери и отодвинула лепесток глазка. Увидела небритое лицо разносчика молока. Отворила.

– Извините, но пани не выставила, пустую бутылку.

– Действительно, я забыла.

В ванной посмотрелась в зеркало. Ужаснулась синеве под глазами, серо-жёлтой коже, морщинкам... Результат беспокойной ночи... Начался обычный утренний ритуал – душ, туалет, приготовление завтрака.

Время поджимало, торопилась и по дороге на работу чуть не попала под такси. В кабинете, у лифта, встретила своего начальника.

– Добрый день пани Галина.

– Приветствую, пана начальника.

– Как самочувствие?

– Спасибо, ничего.

– Хорошая погода с утра, день будет жарким.

– Да, очевидно.

Входя в лифт, улыбнулся ей. Ответила тем же, но мысли были далеко. Вошла в свой кабинет и сразу подняла трубку телефона, набрала номер. Долго ждала. Безрезультатно. Снова слышались только гудки. Квартирный телефон матери молчал, позвонила к ней на работу. Уже первые слова её начальника вывели из равновесия. Ноги сделались словно ватные, и она вынуждена была сесть: мать ни в какую командировку не отправляли. На работе решили, что она заболела.

— Пани Галина, что случилось? — услышала за спиной голос начальника.

— Вот уже три дня мать не была на работе, и ни в какую командировку её не отправляли.

— Может, больна?

— Но ведь телефон. И потом она ясно сказала, что уезжает на три дня.

— Может, пани съездить к матери домой?
Мой шофер в вашем распоряжении.

— Спасибо, пан начальник.

Быстро сбежала по лестнице. Через несколько минут шофер затормозил у дома, который она указала.

– Мне вас обождать?

– Пожалуйста.

Вбежала на третий этаж. Нажала на кнопку звонка, прислушиваясь к его звуку. Никто не отвечал, никто не спешил ей открывать. Минуты казались часами. Не знала что делать. Не могла найти ответа ни на один из тревоживших её вопросов. После некоторого колебания нерешительно постучала в дверь её соседке, пани Кемпской.

– Это пани, пани Галина?

– Извините за беспокойство, здравствуйте.

– Здравствуйте, прошу. Входите, пожалуйста. Вы всё хорошеете.

– Спасибо, пани, я к вам с просьбой.

– Слушаю.

– Вы случайно не знаете, что случилось с моей мамой? Ничего не просила мне передать?

– Видела, как она три дня назад уехала с каким-то мужчиной. Было уже за полночь,

когда к нашему дому подъехала машина. Не могла уснуть, задыхаюсь, эта моя астма, всё сильнее меня мучает. Сидела у окна, там больше воздуха и легче дышать, из машины вышел мужчина, и я потом слышала, как он вошёл в квартиру вашей матери. Вскоре вышли вместе, сели в машину и уехали.

— Почему так поздно?

— Не знаю, запомнила, что машина такая же, как у моего двоюродного брата, он называет её вроде «разбойник». На машине была антенна, сзади. Очень длинная...

— Спасибо.

— Что-нибудь передать вашей маме?

— Если она приедет, передайте, что я приходила и хотела её видеть.

— Хорошо, моя дорогая, хорошо. Пани просто красавица.

Галина вернулась в контору, всё хотела понять, почему мать уехала так внезапно. Что могло с ней случиться? Почему не предупредила ни её, ни своего начальника? В последний раз была какая-то странная, задумчивее, чем обычно.

Из конторы вышла усталая. На обед не ходила – есть не хотелось. Бессонная ночь, выпитое вино и, в первую очередь, отсутствие матери вывели её из равновесия.

Дома выпила капли для успокоения, а потом сердечные. Легла на диване. Хотела уснуть, но не могла. Лежала и смотрела в потолок.

До недавнего времени жили вместе с матерью. Совсем недавно ей дали эту квартиру, однако виделись почти каждый день, а уж по телефону разговаривали обязательно. Мать тоже окончила политехнический институт и была хорошим инженером. Её уважали за знания и деловитость в работе. Воспитывала она её одна. Галина отца не помнила, очевидно, погиб во время войны. Ей было всего несколько месяцев, когда началась война. Мать никогда не говорила ей об этом, жили вдвоем, и было им хорошо. У матери, в принципе, не было друзей, не имела никаких контактов с мужчинами. Это Галину несколько удивляло, ведь мать, в общем, ещё молодая и красивая, всегда одна...

Зазвонил телефон. Нервно схватила трубку:

— Слушаю.

— Это ты, Галина? Может, поедешь с нами на озеро? — услышала полный бодрости голос коллеги по работе.

— В следующий раз. Сегодня не могу.

— Мать вернулась?

— Нет ещё. Вот жду её.

Вскоре уснула.

ГЛАВА 2

Прошла неделя с момента отъезда матери. Галина расспрашивала всех знакомых, не знают ли они случайно, что могло случиться с её матерью. Никто не мог ничего сказать, никто не знал, где она может быть. Галина разыскивала её в больницах, подготовила даже себя на всякий случай, если она окажется в психиатрической больнице. Безрезультатно, оставалась ещё милиция. Ей, конечно, хотелось обойтись без неё, но... не найдя другого выхода, позвонила. Ответил

дежурный офицер. Рассказала ему о своей беде. Он предложил приехать в управление.

Во время разговора тот составил протокол: «Об исчезновении инженера Язы Романьской» и сразу же решил направить к ней на квартиру оперативно-следственную группу. Перед Галиной появился молодой поручик милиции Мартин Бжески.

Техник довольно быстро открыл дверной замок. Начался тщательный осмотр квартиры. Бжеского заинтересовали голубые гвоздики, стоящие на столе, они давно повяли, но сохранили свой необычный цвет.

— Прекрасные.

— Первый раз вижу такие цветы у неё в квартире, — сказала Галина. — А может... — Хотела она что-то добавить, но замолчала.

— Что?

— Да, так. Подумала, может, эти цветы предназначались мне. Возможно, купила их ко дню моего рождения неделю назад. Только почему не вручила их мне? Кто, интересно, выращивает такие цветы в нашем городе? Кто их ей дал?

— Постараемся узнать, откуда они появились.

-- Хотела бы знать, кто мог ей их подарить или продать.

-- Предполагаю, мы это узнаем. Они такие оригинальные, что нетрудно будет установить, кто их выращивает.

В квартире не было обнаружено чего-нибудь особенного, что могло бы помочь следствию.

Так как Галина рассказала поручику о разговоре с соседкой, тот решил расспросить поподробнее пани Кэпску.

-- О боже! Милиция интересуется пани Язой? Что случилось? -- удивилась та.

-- Дело за небольшим. Вы помните, как выглядел мужчина, который приходил к Романской? Вы бы его узнали?

-- Если бы его увидела, может быть...

— Этот мужчина что-нибудь нёс в руках? Покупки, портфель?

— Цветы, прошу прощения. Забыла сказать об этом пани Галине.

— Какие цветы?

— А пан сможет ночью рассмотреть, какие это цветы?

Поручик немного смущался.

— Я несколько старше пана поручика, и зрение у меня уже не то. Знаю, что цветы, это я точно видела.

— Спасибо и за это. Смогу я ещё с вами встретиться и поговорить?

— Пожалуйста, я всегда дома, болею...

В течение дня работники милиции установили, что в цветочных магазинах города Радоми голубые гвоздики не продаются и что, по всей вероятности, их выращивает частник-любитель, единственный в городе. Мартин Бжески отправился к нему.

— Неделю назад, пан продавал кому-нибудь голубые гвоздики? — спросил он хозяина.

— Было их у меня только семь, и продал их какому-то мужчине. Откуда он, не знаю. Хорошо заплатил. Но лишнего я с него не просил.

— Не об этом разговор. Нас интересует, как он выглядел, этот мужчина.

— Могу его описать.

— Очень прошу. Вот наш сотрудник, который с ваших слов, сможет составить его портрет.

Пока сотрудник криминального отдела разговаривал с хозяином, Мартин Бжески разглядывал кабинет, в котором они находились. Он был обставлен со вкусом. Некоторые предметы мебели были из никелированной стали, на стенах интересные картины, сервант был полон серебра и фарфора.

— Мы закончили, — произнёс сотрудник.

Бжески взял в руки портрет и некоторое время разглядывал его.

— Пан Завистовский, — обратился он к цветоводу, — может, вы ещё что-нибудь помните? Ничего не привлекло вашего внимания?

— А что именно?

— Как он себя вёл? Был расстроен или спокоен? Может, спешил?

— Кто сейчас не торопится? Вы разве не торопитесь?

— Тороплюсь. Этот мужчина приходил пешком?

— Нет. Приехал на машине.

— Может, вы номер запомнили?

— Простите, пан поручик, какой садовник станет запоминать номер машины своего клиента? Кто хочет купить цветы, купит. Продаю всем, а покупателей много.

— И голубые гвоздики многим?

— Эти бывают очень редко.

— Иногда люди имеют дар запоминать цифры.

— Я к ним не принадлежу, запомнил, что у его автомобиля была очень длинная антenna, обратил внимание, так как раньше никогда такой не видел.

«Необычная антenna, — думал поручик, — говорила о ней и пани Кэпска, а теперь и садовник. Несомненно, автомобиль тот же. Кто был за рулём? Мужчина, который приезжал к Романьской, и этот, что покупал цветы — одно и то же лицо или нет?».

— Семь голубых гвоздик, — непроизвольно вырвалось у него.

— Это так важно? — спросил садовник.

— Хотелось бы найти этого клиента.

— Могу панов заверить, что если он еще раз приедет, я запомню номер машины или даже позвоню к пану поручику.

— Пожалуйста, вот моя визитная карточка.

— Спасибо. Позвоню обязательно.

Без особого труда было установлено, что владельцем интересуемой машины является Мирослав Порэбски, житель Радоми, работник Главного управления заграничной торговли «Интермаш».

Вызванный через участкового, тут же явился в кабинет Бжеского без какого-либо волнения.

— Прошу садиться.

— Спасибо. Могу я узнать, по какому поводу меня вызвали?

— По служебному.

— Догадываюсь. Однако хотел бы знать конкретнее.

— Вы являетесь работником «Интермаш»?

— Да, я являюсь советником директора. В чём дело?

— Часто пан бывает за границей?

— По-моему, вы знаете.

- А что вы нервничаете, пан Порэбски?
- Потому что разговор в отделении милиции не относится к приятным.
- Действительно?
- А как пан считает? Желал бы встретиться с вами, но в другом месте.
- Пан бывает за пределами нашего города?
- Иногда выезжаю на рыбалку. Имею я на это право после работы?
- Конечно. А часто пан покупает цветы у гражданина Завистовского?
- У кого?
- Завистовекого — повторил поручик.
- Нет.
- Когда пан последний раз был у него?
- Не знаю такого гражданина.
- Прошу подумать.
- Не над чем.
- Хочу напомнить пану, что здесь надо говорить только правду.
- Я говорю правду.
- Может, пан помнит, у кого последний раз покупал цветы?

-- Очень часто покупаю в разных цветочных ларьках.

-- Только ли?

-- Да.

-- Скажите, пан, вы знаете инженера пани Романьскую?

-- Кого?

-- Инженера Романьскую, но не Галину, а Язу.

-- Не могу припомнить.

-- Действительно?

-- Где она живет?

-- На улице Тополиной.

-- Нет. Не знаю.

-- Хорошо.

-- Почему хорошо?

-- Так пан утверждает, что не знает женщины с такой фамилией?

-- Да, не знаю.

Поручик, как бы не замечая этого ответа, задал очередной вопрос:

-- Когда-нибудь пан дарил ей голубые гвоздики?

-- Нет! -- почти выкрикнул Порэбски.

-- Прошу не повышать голос.

— Не хотел, — виновато проговорил тот, — это нервы.

Наступило молчание.

— Что-нибудь еще, пан поручик?

— Да. Прошу подождать минуту. Я сейчас вернусь.

Бжески вышел в соседнюю комнату. Там ожидали его назначенный ему в помощники по этому делу сержант и приглашенный цветовод Завистовски. Последний вглядывался в разложенные на столе фотографии.

— Кто-нибудь на этих фотографиях похож на мужчину, который покупал у пана цветы? — в голосе поручика чувствовалось напряжение.

Завистовски указал на фотографию Порэбского.

— Пан уверен, что это он?

— Убежден.

— Прошу пана пройти со мной.

Вошли в кабинет. Порэбски, увидев цветовода, вздрогнул и опустил голову.

— Может, пан хочет мне что-нибудь сказать? — спросил поручик.

— Нет.

- Придется пану остаться у нас.
- Я что, арестован?
- Арестовать может только прокурор, мы задерживаем.
- Это какое-то недоразумение. Почему меня задерживаете?
- Мы это сейчас выясним, — поручик отпустил цветовода и, заняв прежнюю позу, спросил:
- Прошу пана припомнить, что он делал ночью с двадцать восьмого на двадцать девятое июня. Для того чтобы пану легче было вспомнить, скажу, что двадцать восьмого, как было раньше принято, день именин Леона и Иренуша.
- Что делал? Очевидно, спал. Я очень рано ложусь спать.
- А может, пан ездил куда-нибудь на своей машине?
- С наступлением сумерек не сажусь за руль. У меня так называемая куриная слепота.
- В эту ночь пан был дома?
- Да.
- Кто может это подтвердить?

– Зачем?

– Иногда хорошо иметь алиби.

– Зачем? – повторил Порэбски.

Поручик, как бы не услышав вопроса, продолжил:

– Вот имею перед собой запись беседы со смотрителем домовладения, или как он там сейчас называется. Утверждает, что пана этой ночью не было дома.

– Проверял?

– Не все равно, откуда он это знает. Ясно одно: что пан вернулся домой под утро уже двадцать девятого июня, это был уже день Петра и Павла.

– Не понимаю этого подсчёта имён, пан поручик.

– Иногда это помогает припомнить некоторые подробности.

– Смотритель ошибся.

– Советую подумать, пан Порэбский, для вашей же пользы.

Поручик нажал кнопку звонка. Порэбского вывели из кабинета.

В этот же день Бжески, получив разрешение у прокурора, произвёл обыск в квар-

тире задержанного. В одном из блокнотов нашёл запись адреса и телефона Галины Романской.

* * *

После окончания осмотра квартиры погородничий поехал прямо к Галине Романской и показал ей фотографию Мирослава Порэбского.

— Да, я знаю этого пана, — сказала она и пояснила: — Возвращаясь из Парижа в Варшаву, я сидела рядом с ним в самолёте. Опекал меня, так как в этот раз чувствовала себя в полёте неважно. Была ему за это очень благодарна и дала ему свой адрес.

— Пани потом встречалась с ним?

— Нет. Виделись мы с ним только тот раз.. Даже ждала его звонка по телефону, но он не позвонил: мужчины часто обещают, но редко выполняют обещания.

— Когда-нибудь пани видела пана Порэбского в обществе своей матери. Может, мать говорила пани что-нибудь о нём?

— Нет, не припоминаю. А что, он имеет отношение к исчезновению моей матери?

— Посмотрим.

Проводила его до двери.

* * *

Поручик ходил по кабинету и думал: «Каким способом заставить Порэбского сказать правду?». Он располагал слишком малыми данными, чтобы задерживать его более длительный срок.

Помещённое в вечерке сообщение об исчезновении Язы Романьской не дало пока никаких результатов. Никто не откликнулся. Всё указывало на то, что только соседка Романьской видела мать Галины вместе с неизвестным мужчиной и его автомобиль.

Всё взвесив, Бжески решил ещё раз заслушать задержанного.

Порэбски был в плохом настроении. Он сел на кресло, положил руки на колени и молча ждал вопросы.

— Пан Порэбски, вы всё обдумали, учитывая, в какой ситуации находитесь? Мо-

жет, сейчас появилось у пана желание рассказать правду?

— Хорошо, скажу всю правду. Однако пан не поверит, этой ночью я действительно не был дома, я был у человека, имя которого не хотелось бы называть.

— Женщина?

— Да. Но не могу назвать ни её имени, ни адреса.

— Следовательно, смотритель оказался прав.

— Видел меня, когда я возвращался. Не хотелось об этом говорить. Место и особа, у которой был, должны остаться в тайне.

— Даже ценой потери свободы?

— Да, даже такой ценой.

— Как хотите, пан. Однако позволью заметить, мы умеем хранить тайну. Если бы мы сообщали мужьям то, что знаем об их жёнах и наоборот, то, очевидно, только прибавили бы работы суду.

— Я верю пану поручику, однако, всё равно не скажу фамилии этой женщины.

— А как быть с машиной и этими гвоздиками?

— Гвоздики купил у этого гражданина, у моей, назовём её подругой, было небольшое торжество. Мы его отметили вместе. В этот день исполнились год, как мы познакомились. Хотелось ей преподнести неожиданный подарок, и решил достать такие цветы.

— Значит, пан был у Завистовского и именно на машине?

— Да.

— А что было дальше?

— Решил также купить коньяку, но когда подъехал к магазину, то не нашёл места для машины, пришлось поставить её на параллельной улице, в магазине была порядочная очередь, и когда я вернулся к машине -- её не оказалось. Не было, конечно, и голубых гвоздик.

— Пан искал автомобиль?

— Нет.

— Это очень интересно.

— Почему? Машина застрахована, а женщина не может ждать. Тем более, в нашем распоряжении было всего несколько дней. Её муж должен был вернуться из Варшавы.

Когда он бывал дома, мы не встречались. Я люблю спокойную жизнь.

— Муж вашей приятельницы подозревает вас?

— Нет. Я не могу этого допустить, работаю в одной организации и знаем друг друга много лет.

— Как его фамилия?

— Этого не могу сказать.

— Почему?

— Потому что дал обещание ей, что никто не узнает о нашей связи.

— Однако сейчас ставка очень большая.

— Понимаю, но, несмотря на это... Не могурушить свои принципы, пан поручик.

— Пан даёт себе отчёт, как он затрудняет следствие?

— Мне неприятно, но ничего не могу по-делать. Уверен, что меня выпустят.

— Я просил прокурора освободить пана.

— Однако задержали меня вы.

— Действительно, но с разрешения прокурора.

— Спасибо, я действительно не виновен. Даже не знаю, в чём меня обвиняют.

- А что стало с машиной?
- Обнаружил её на другой улице, возле нашего управления, в котором работаю.
- Культурный вор...
- Очевидно, взял напрокат.
- Пан шутит?
- А что мне делать? Уже не первый раз кто-то угоняет машину и возвращает на следующий день.
- Тайный компаньон?
- Вот именно. Аноним.
- В милицию пан обращался?
- Зачем? Не хочу вам морочить голову. Вот если ещё раз повторится.
- Удивительный вы человек, пан Порэбски.
- Может быть.
- Что-нибудь пропало в машине?
- Только эти голубые гвоздики.
- Которые нашли в квартире недавно исчезнувшей женщины, розыском которой мы сейчас и занимаемся.
- Не понимаю.
- Сейчас пан прослушает, подпишет протокол и может быть свободным.

ГЛАВА 3

Известие об исчезновении Язы Романьской вызвало в городе много разговоров и сплетен. Говорили о финансовых злоупотреблениях, о делах, связанных с оккупацией, несколько неожиданно обвинили её в саботаже и даже в шпионаже. Разговаривали о ней на улицах, в магазинах, дома, но никаких данных в милицию не поступало.

В кабинете капитана Мрочковского, непосредственного начальника поручика Бжеского, собрался весь оперативный отдел. Цель совещания была обсудить всё, что было известно по этому делу до сих пор, и выработать план дальнейшего расследования.

О имеющихся данных и результатах следствия доложил поручик Бжески, он же внёс предложение обследовать территорию города и прилегающих районов.

— Завтра начнём тщательное прочёсывание района, где проживала пропавшая, а также местного парка и прилегающего к городу леса, — поставил в конце совещания задачу капитан Мрочковский.

Общее руководство этой операцией было поручено одному из сотрудников уголовного розыска, человеку знающему, опытному, раскрывшему не одно запутанное дело.

Группа сотрудников обследовала все известные милиции «малины» и другие подозрительные места, однако на след Язы Романской напасть не удалось. Весь преступный мир города отказывался от этого дела и даже обещал помочь в розыске пропавшей.

Наконец, для обследования остался только прилегающий к городу лес. Были собраны все силы розыска, даны инструкции о поисках в лесу, и акция началась. Сотрудники шли один возле другого, обследуя каждый метр поверхности. Это была кропотливая и утомительная работе. Вдруг служебный пёс, бегущий впереди своего ведущего, начал настойчиво лаять.

-- Лису учゅял, что ли? -- высказали предположение рядом идущие милиционеры.

Пёс продолжал лаять и тянуть поводок в густые заросли. Остановился он над небольшим бугорком среди кустов и начал ви-

лять хвостом, как будто встретил кого-нибудь из знакомых. Ведущий воткнул в землю специальный указатель, отвёл собаку в сторону, но она вновь привела его сюда. Не было сомнения, что здесь что-то закопано. Уже на первый взгляд было видно, что кто-то недавно срезал дёрн, а потом пытался его также аккуратно уложить. Однако сделал это не очень тщательно.

Через несколько минут после обнаружения этого места прибыла группа криминалистов и после внимательного осмотра приступила к работе. После снятия первого слоя земли был обнаружен дамский туфель.

— Женщина! — заключил один из сотрудников.

— Может, это только её вещи, — сказал кто-то скептически.

— Раз говорю женщина, значит, женщина, — обернулся тот, которому не впервые было производить подобные обследования.

Вскоре стали вырисовываться формы фигуры человека. Обнаружилась страшная картина, это действительно была женщина. Блондинка в светлом костюме лежала лицом

вниз. Рядом с пробитой головой лежала замшевая сумочка. В ней обнаружили косметические принадлежности, зеркало, духи, большой красный гребень, портмоне, тоже красный. В нём паспорт на имя Язы Романской и в одном из кармашков маленькое фото.

Однако это была не она. У неё были короче волосы, и она была несколько выше. Встал вопрос: почему её паспорт оказался около этого трупа? И ещё: что эти две женщины имели между собой общего? Кто эта убитая?

Закончив обследование, группа вернулась в город. Теперь все ждали результатов работы криминального отдела. Он должен был установить причину и час смерти жертвы. Решено было сегодня же поместить её фотографию в местной вечерней газете. Рассчитывали на то, что быстрые действия помогут установить, кто эта убитая.

Бжески сам отредактировал сообщение и завёз его к главному редактору газеты. Из-за перестановки материала газета в этот день вышла с опозданием. Факт опоздания про-

будил повышенный интерес у читателей, которые уже знали, что задержка всегда приносит какую-нибудь сенсационную новость, и не ошиблись. Два дня назад сообщалось о розыске пропавшей Язы Романьской, а сегодня – об этой неизвестной убитой женщине.

ГЛАВА 4

Мирослав Порэбски после выхода из управления милиции поехал домой. Искупался, переоделся и пошёл пообедать в ближайший ресторан. Сел в угол зала, заказал цыпленка табака, водки и кофе. Из-за свалившихся на него неприятностей в течение последних двух дней чувствовал себя усталым. Угнетало то, что дал себя втянуть в эту дискуссию на допросе у поручика.

Выйдя из ресторана, огляделся кругом, удостоверился, что за ним никто не следит, отправился на стоянку. Машина была на месте. Сел, завёл двигатель, но тут же отказался от своей затеи и выключил зажигание, вышел из машины и направился к телефонной будке. Вошёл, набрал номер:

- Добрый день, это я.
- Мирек? — послышался знакомый голос, — что с тобой случилось? Мы потеряли два дня. Где ты пропал?
- Я не мог тебе сообщить, просто не было возможности.
- Говори, что случилось...
- Это не телефонный разговор, может, мы сегодня встретимся?
- Только вечером. После обеда я ещё буду занята на работе.
- А что твой муж?
- Вернётся через несколько дней. Снова в Варшаве. Не волнуйся, приходи. Откуда говоришь, из отдела?
- Нет. Из автомата.
- Жду тебя. Пока, милый!
- Порэбски повесил трубку. Выходя из будки, снова огляделся кругом. Зашёл в кафе, купил газету, но не стал её читать. Остановился на мгновение: «Не пойти ли на работу?». Однако отказался от этой мысли. Не знал толком, что сказать шефу и коллегам. «Глупое положение», — однако заключил, что если сам не расскажет, то уж, конечно,

милиция сделает это обязательно -- Позвоню директору, и расскажу ему всё как было. А может, не стоит?» -- махнул рукой и отправился домой.

Лёг на кушетку, подумал: «Нет ничего лучшего, чем своя лежанка. Это тебе не арестантский топчан». Однако уснуть не мог.

Приближалось время визита к подруге. Решил: «На этот раз никаких цветов. Всё произошло из-за того, что ему захотелось достать голубые гвоздики. Где он о них вычитал? Очевидно, в газете. Хотел преподнести оригинальный подарок, а теперь хлопот полный ворох. Хорошо, если это все хорошо кончится. Ведь неоткуда набрать доказательств, чтобы его не засадить? Однако за границу его могут не пустить. А что это за работник главного управления торговли, к которому нет доверия. Вот это влип! Чёрт возьми!».

Падал дождь. Порэбски решил ехать на машине. Подъехал к дому приятельницы, но, не найдя свободного места для машины, вынужден был оставить машину в примыкавшей улице.

Зазвонил условным сигналом. Встретила его, как будто не виделись давным-давно. На столе стоял коньяк, фрукты, коньячные рюмки. Из кухни доносился звук кипящей воды. Когда сели к столу, она предложила выпить.

— Что случилось? Вижу, ты сам не свой.

— Хочу тебя попросить, чтобы в случае чего у нас была общая линия поведения.

— Не понимаю.

— Я был задержан милицией.

— Стоит ли отчаиваться? Сколько людей было задержано милицией и сколько ещё будет? Тоже мне проблема.

— Но это не простое задержание.

— Тогда поясни, в чём дело?

— Только давай я по порядку.

— Слушаю.

— Меня в чём-то подозревают, но я ничего не совершил. Помнишь, день двадцать восьмого июня? Был у тебя и остался на ночь.

— Помню, обещал мне преподнести оригинальные цветы. Это должны были быть

голубые гвоздики, но... Это была годовщина нашего знакомства.

— Вот именно. Кто-то угнал машину, а вместе с ней и гвоздики, помнишь?

— А эти гвоздики где-то обнаружили. Садовник меня узнал, и милиция заинтересовалась моей особой, пришлось рассказать ей, как всё получилось.

— Думаю, не сказал, где провёл ночь?

— А что, мог?

— Не знаю... Если уж такая серьёзная причина...

— А если бы об этом узнал твой муж? Тогда что?

— Трудно сказать. Ты ведь знаешь, какой он ненормальный.

— Значит, я правильно сделал?

— Мирек! Какой ты хороший! Настоящий мужчина, даже в такой ситуации ты ничего не сказал обо мне. Я люблю тебя, Мирек!

— Я тоже.

— Ты читал позавчерашние газеты?

— Как? Там не каждый день поступает почта.

— Вот прочитай. В ту ночь, когда ты был у меня, пропала Яза Романьска.

— А-а-а, так вот в чём дело? Теперь понимаю, почему меня о ней расспрашивали.

— Говорила тебе, чтобы продал эту машину.

— Хорошая. С ней у меня никаких хлопот.

— А как это назвать?

— Это так...

— Интересно, что пишут по этому поводу в сегодняшней вечерке. Я ещё её не читала.

Она развернула газету и едва не вскрикнула:

— Посмотри! Что за ужасная серия событий... Здесь убийство!

Он выхватил у неё газету, в сообщении говорилось об обнаружении за городом, в лесу, трупа женщины.

— О, дьявольщина! Хоть бы эти голубые гвоздики не имели к этому отношения!

— А может, ты всё-таки их кому-нибудь подарил?

— Не веришь? Говорю, их забрали вместе с машиной.

— Что думаешь делать?

- Ждать.
- Я могу чем-нибудь помочь?
- Да. Ты должна молчать. Молчать, поняла?
- Не совсем понимаю, но если хочешь, буду молчать.

ГЛАВА 5

Был уже вечер, когда к загородному комфорtabельному мотелю доставили послебеденную почту.

Сидящий в холле мужчина поднялся и не спеша прошёл в читальный зал. Там он прошёл к столику, на который только что библиотекарша положила свежие газеты. Взял одну из них и стал, как могло показаться, без особого внимания её просматривать. Пробежав взглядом первую страницу, он развернул газету, и его лицо на какое-то мгновение застыло: он увидел знакомое лицо женщины: «Нашли всё-таки. Рановато напали на её след. Как это могло случиться? Может, кто видел?».

Машинально вернулся в бар.

— Двойной коньяк, — бросил официанту.

Выпил залпом. Закурил папиросу и вышел на террасу. Не мог сообразить, что же предпринять. Мысли роились в голове, а с ними минута за минутой он терял уверенность. Откуда у них её фотография? А если кто запомнил номер машины...».

Закурил следующую папиросу и глубоко затянулся: «Так, надо действовать. Каждый час на вес золота».

Бросил газету на полированный столик, стоящий рядом, и быстрым шагом направился в свой номер, собрал вещи, спустился в регистратуру.

— Совсем забыл, что в городе есть неотложное дело. Должен срочно выехать, пожалуйста, расчёт.

— Пан освобождает номер?

— Да. Спасибо.

Регистраторша занялась подсчётом.

— Скажите, никто не собирается в город? Спросил, заполняя паузу в ожидании счёта.

— В зале ужинает таксист, он сейчас поедет назад. Поговорите с ним. Он с удовольствием вас возьмёт.

Мужчина прошёл в зал ресторана и без особого труда отыскал таксиста. Через некоторое время они уже сидели в такси и разговаривали о предстоящем международном футбольном матче между двумя сильнейшими командами мира. Таксист с большим знанием дела высказывался о шансах той и другой команды. Пассажир почти не слышал его. Ему было всё равно, кто выиграет, кто проиграет. Думал о том, как ему убрать свидетеля-садовника, который видел его, когда он въезжал в лес с той женщиной, что обнаружила милиция.

Доехали до города, и мужчина вышел. Пешком дошёл до места, где надеялся найти машину. Словно специально для него, здесь стоял автомобиль. Без особого труда открыл и завёл машину. Поехал на железнодорожный вокзал, оставил чемодан в автоматической камере хранения и вернулся к машине. Когда садился в неё, заметил на заднем сиденье небольшой нож. Усмехнулся. Подумал, что может быть, он и пригодится. Осторожно взял и опустил его в карман пиджака.

Через несколько минут выехал на дорогу, ведущую к садовнику. Машину оставил недалеко от виллы Завистовского, она была несколько удалена от предыдущей и располагалась у самого леса. Безусловно, это было удобное место для расправы над её хозяином.

Вылез из машины, поднял воротник пиджака, пощупал нож в кармане и, не захлопывая дверь автомобиля, пошёл в сторону виллы.

Когда подошёл к окну, увидел через него, что садовник сидит в кресле и смотрит матч по телевизору. Его лицо нервно реагировало на то, что происходило на экране. В этот момент он слегка подпрыгнул и, как маленький ребёнок, стал хлопать в ладоши. Потом взял рюмку и выпил её содержимое. Было ясно, что он очень захвачен этим матчем.

Мужчина обошёл виллу кругом. Входная дверь была открыта. Вошёл в небольшое помещение и неожиданно споткнулся о стоящие посередине какие-то ящики. На ощупь вошёл в другое помещение. Это ока-

залась комната, через стеклянные двери сюда проникал свет из коридора. Тихо открыл её и через другие открытые двери увидел сидящего в своём кресле садовника. Он был по-прежнему поглощен происходящим на футбольном поле и ничего не замечал.

— Добрый вечер, — поздоровался мужчина, входя в комнату хозяина. Садовник обернулся и с удивлением спросил:

— Что пан тут делает? Кто вы такой?

— Хочу купить цветов.

— Пан в эту пору? Уже почти полночь!

— Иногда бывает и так, что и ночью необходимы цветы.

— Это не лекарство, мой дорогой, а сад не аптека.

— Цветы иногда могут сделать больше, чем лекарство...

— Сейчас не могу. Пан видит, что идет матч. Признаться давно такой игры не видал. Виртуозы, просто концерт, а не футбол. Мужчина стоял в ожидании.

— Садитесь, пан, и смотрите, — сказал садовник. — Когда будет перерыв, я нарву вам цветов.

— Подожду.

— Садитесь, пан, и смотрите вместе со мной, — снова предложил старик, пододвигая кресло.

Мужчина сел, но вместо того чтобы смотреть на экран, стал осматривать комнату. На стене увидел большой, красиво оформленный диплом на имя Януара Завистовского. «Януар, — подумал он, — что за имя?». На столике под стеклом заметил визитную карточку поручика Бжеского. В этот момент на экране свисток судьи известил о перерыве в игре. Диктор объявил, что через пятнадцать минут передача о втором тайме будет продолжена.

Садовник встал:

— Пойдёмте в оранжерею, там пан сам выберет то, что ему нужно, только скорее, а то скоро начнётся вторая половина игры.

Вышли. Садовник шёл впереди, освещая карманным фонариком дорогу от виллы к оранжерее.

— Какая прекрасная ночь, — произнёс гость.

— Да, но душно. Будет дождь, денька бы три полил, а то земля совсем засохла. Завистовски зажег свет в оранжерее.

— Что пана интересует. Гвоздики?

— Хотелось бы что-нибудь попривлекательнее.

— Может, розы? Там в конце есть очень хорошие.

Двинулись дальше. Ночной гость ещё раз проверил наличие ножа и опробовал способ, как его можно быстро достать. Тут же, прямо в кармане, он завернул рукоятку в носовой платок и протер ее.

Садовник нагнулся ещё над одной розой, аккуратно срезал её и подал клиенту.

— Прекрасная...

— Какая ещё пану больше всего нравится?

Прошу.

— Вот эта.

— Простите, а мы с паном нигде не встречались? — поинтересовался садовник.

— Пожалуй, нет. Я здесь проездом. Мне вас порекомендовали.

— Кажется, что я где-то пана видел.

— Это исключено. Живу отсюда далеко.

— Но, знаете пан, иногда человек вдруг начинает припоминать... Вот в газете прошёл. Найдена женщина в этом лесу, недалеко. Просят оповестить милицию, если кто-либо знает что-нибудь об этом.

— А пан что-то знает?

— Не совсем так. Моя усадьба у дороги и последняя перед лесом. Видел днями, как проехала одна пара на автомобиле. Мужчина такой... обыкновенный... на пана похож, — садовник усмехнулся, -- а женщина со снимка в вечёрке на-ту, в машине. И на мою бывшую жену, но та погибла во время войны.

— Пан обязан позвонить в милицию и рассказать об этом. Для неё каждый отдельный штрих важен.

— Не было времени, да и телефон кто-то отключил, с утра не работает. Позвоню им завтра утром. Не горит.

— Но ведь преступник может скрыться....

— Пан,,, а мне, какое дело... Пускай милиция за ним гоняется. А у меня сейчас главное — это второй тайм. -- Он нагнулся, чтобы срезать очередную розу. В тот момент, когда

садовник повернулся к нему боком, он схватил его рукой за горло и сильно сдавил.

— Пан... — захрипел тот, стараясь оторвать его руку, но не смог. Сделав ещё несколько конвульсивных движений, он вздрогнул и стал оседать на землю. В этот момент нож вошел в его спину.

Убийца разжал пальцы, и тело упало между кустами роз. Ещё какое-то мгновение он наблюдал, как признаки жизни покидают садовника. Потом, убедившись, что смерть уже наступила, отошел. Платок, скомканный в руке, сунул карман.

Подходя к дверям оранжереи, заметил, что к руке прилип лепесток розы, стряхнул пальцами, как бы желая освободиться от всего, что могло к нему прилипнуть. Не стал тушить свет, чтобы не оставить следов на выключателе.

Когда проходил мимо виллы, взглянул в окно, по телевизору транслировали второй тайм. На улице было спокойно, тишина окутала всё кругом.

Шел спокойно, удаляясь в сторону города. Не обращая внимания, прошел мимо ма-

шины. Поравнявшись с первым фонарём, осмотрел штиблеты и костюм. Не заметил никаких следов. Причесался и поправил галстук. Шёл довольно долго. Захотелось пить, и он зашёл в небольшой, очевидно, последней категории бар. Был уверен, что никого из знакомых не встретит, так как такого вида заведения они не посещали. Поднялся на антресоль, где, вероятно, собирались «сливки» местного общества. Сел у бара и попросил две стопки водки и закуски. Выпил одну за другой, закусил бутербродом и заказал коньяку. Заплатил, оглядел зал и, увидев свободный столик, спустился вниз. Тут было тихо и всё тонуло в полумраке. Решил немного посидеть и отдохнуть.

Заиграл небольшой оркестр, и несколько пар стали кружиться. Они чем-то походили одна на другую. Женщины за соседним столиком, пользуясь наивностью подвыпивших мужчин, то и дело просили что-нибудь у официантов, не считаясь с тем, что в конце придется платить.

Кавалеры, завороженные своими партнёршами, не хотели думать о том, что через

некоторое время администратор выставит их за дверь и они пойдут в разные стороны с пустыми кошельками. Кратковременное счастье.

— Можно пану составить компанию? — обратилась одна из женщин, очевидно, за всегдатай этого бара.

— Нет, — отрезал.

— Простите, а присесть можно? — решила не отступать та.

— Прошу, садитесь, пожалуйста. Пани хочет выпить?

— Только коньяк. Он хорошо действует на кровообращение. А сегодня так душно. Будет дождь... Что вы меня так рассматриваете? Я вам нравлюсь? Не всегда по виду можно судить о женщине, мой дорогой...

— Наверно.

— Ну, так что?

— Не донимай.

— Позабавимся?

— Нет. Болят ноги.

— Ревматизм?

— Нет.

— А что?

– Сам не знаю, наверно, так сложилась жизнь.

– Так, может быть, пойдём ко мне? Я живу здесь недалеко.

Официант принёс коньяк и ждал расчёта. Достав кошельёк, посетитель вынул банкноту и протянул ей. Женщина пудрилась. Он подумал: «Неужели этими лёгкими прикосновениями можно изменить вид увядющей кожи? Однако надеется. Надежда...». Женщина убрала всё в сумочку, достала сигареты и протянула ему.

– Закуришь?

– Спасибо. Я курю трубку, – ответил ей, не обращая внимания на то, что она обратилась к нему на «ты». Он знал, что в этом обществе так принято.

-- Не выношу трубку. Могу тебя угостить заграничной сигаретой, – вынула из сумки другую пачку.

-- Спасибо.

– Не хочешь, не надо.

Она не особенно выбирала выражения, как и все подобные ей женщины. Он пере-

стал обращать на неё внимание и стал с раздражением проверять карманы.

-- Деньги ищешь? Могу обождать!

— Нет.

-- Что потерял?

Не ответил. Он думал о том, где мог оставить трубку. Нервное напряжение росло с каждой минутой.

-- Пан официант! Прошу два коньяка -- больших!

-- Для меня можно маленький! -- крикнула женщина вслед уходящему пану.

— Говорю два больших, значит больших.

Официант на какой-то момент остановился в нерешительности, но тут же двинулся дальше к буфету. Когда вернулся, нес уже две стопки коньяка.

-- Пожалуйста, два больших. Восьмидесят золотых, -- проговорил он на одном вздохе. Тот поблагодарил его и рассчитался.

— Выпьем, и ты пересядешь отсюда, -- обратился он к женщине.

-- Если ты этого хочешь, пожалуйста... Хотя можешь об этом пожалеть. Лучше провести ночь вдвоём, пусть даже с такой жен-

щиной, как я. По-моему, я уже говорила тебе, что на вид женщину не определишь.

— Не до шуток, моя дорогая. Иди лучше спать.

— Я ещё не закончила работу. Сегодня был плохой день и ещё хуже ночь. Теперь денежных мало. Всё хуже. Теперь, если даст две бумажки, то думает, что бог знает сколько заплатил. Думает, что он почти в Париже... А когда-то я пользовалась успехом, но и хорошо платили. Время не то. Где те мальчики из тех лет?

— Может, тебе платили тысячи?

— Были и такие. Когда здесь торговали кожами, то люди имели деньги. Ты не знаешь этого города.

— Да, я здесь проездом, — ответил он, не желая признаваться, что живет и работает в Радоми уже несколько лет.

— Был тут один, председатель кооператива, — тянула свою исповедь женщина, — которого потом осудили на пожизненное заключение. Когда он входил в зал, все пели ему «сто лет» и веселились на его деньги. Закупал целый буфет, платил с лихвой, ве-

лел закрывать двери и никого не выпускать. Веселье длилось до самого утра. Это было тогда... Теперь разве найдёшь такого? Приедет какой-нибудь из Варшавы и шарит у себя по карману. Большой титул: советник, а в кошельке... пусто. Иногда найдётся какой-нибудь строитель, работает весь месяц в поте лица, а потом хочет развлечься. Этот денег не жалеет. Почтенный гость вымогательно и платит.

— Иди уж, хочу немного посидеть один...

— Ждёшь другую? Сегодня все уже заняты. Я более надёжная, чем те... По крайней мере, не обворовываю, и мои поклонники не имеют дела с милицией, да и с больницами.

— Ну, хорошо, хорошо. Иди, иди...

— Потанцуем?

— Может, в другой раз.

— Придёшь сюда завтра?

— Посмотрим.

Встала, послала ему воздушный поцелуй, гибко развернулась и пошла к своим.

Потеря трубки не давала ему покоя. Мысли всё больше сходились на том, что потерял её у садовника. Помнил, что у него

не курил, но мог и выронить. «Лежала, наверно, в верхнем кармане, допустим, даже если её найдут, это не означает, что она именно моя. Может принадлежать кому-нибудь другому, хотя бы садовнику».

— Так, — неожиданно произнёс это слово вслух.

— Что угодно? — спросил проходящий мимо официант.

— Ещё один большой коньяк.

Когда официант отошёл, припомнил, что, осматривая комнату садовника, видел несколько трубок. Были они уложены на специальной подставке, стоявшей на буфете. Прекрасная коллекция. Садовник тоже курил трубку, потому что около него на столике тоже лежала трубка. Есть утешение, может, пронесет.

Выпил принесённый коньяк. Встал. Ноги были как не свои. Пройденные несколько километров, выпитые водка и коньяк дали себя знать. Выходя из бара, узнал свою собеседницу. Танцевала с парнем. Усмехнулся ему и кивнул головой ей.

Начался дождь. Зонтика не было. К бару подъехало такси, из него вывалилась довольно «весёлая» компания. «Приехали закончить свою гульбу в этом «кабаке», — подумал он.

Сел в такси и велел отвезти себя на вокзал. Там забрал свой чемодан, купил билет и вышел на перрон. Здесь было пусто. Стояло всего несколько человек. Прошёлся несколько раз по перрону. Вернулся в зал ожидания, где было тепло и никуда не хотелось больше идти. Однако он не сел, а огляделвшись кругом и обнаружив телефон-автомат, направился к нему. Старателльно набрал номер. Некоторое время подождал, но никто не ответил, и он, повесив трубку, снова направился на перрон.

— Простите, поезд скоро подойдёт? — обратилась к нему элегантно одетая женщина.

— Должен подойти через пятнадцать минут.

Поблагодарила и отошла.

Решил еще раз позвонить, вернулся в зал ожидания, где уже почти никого не было. Подошёл к телефону, положил монетку,

снял трубку и так же внимательно набрал пятизначный номер. И снова ничего. Тишина. Повесил трубку и заторопился на перрон, так как поезд уже приближался к вокзалу. Быстро нашёл нужный вагон первого класса, зашёл и сел в купе. Следом сюда же вошла женщина, с которой он несколько минут назад разговаривал на перроне.

— Можно?

— Пожалуйста.

— Пан далеко едет?

— До конца. — Помог ей уложить чемодан и снять плащ.

— А пан — джентльмен. Теперь уж нет таких мужчин.

— Есть, есть. Только их пани не замечает.

— Могу я пана угостить печеньем собственного изготовления?

— С удовольствием попробую.

Съел предложенное ему печенье: — Прекрасное, — похвалил.

— Может, ещё? Прошу.

— Спасибо, но уже хватит.

Она накрылась плащом и уснула, он не мог уснуть. Думал.

ГЛАВА 6

Было около шести часов утра, когда Ядвига Зарэбска вошла в небольшую конторку садовника Завистовского. Шефа не было. На столе, за которым он обычно сидел, уже с утренних часов стоял вазон с хризантемами. Садовник очень любил эти цветы и часто говорил, что не понимает, почему люди не видят их великолепие. Вошла в дом. В комнате горел свет, светился экран телевизора, но хозяина не было. Это показалось ей странным. Всегда утром ожидал работников в конторке, давал задания, а потом шёл в оранжерею.

Не пошла по комнатам, а вернулась в конторку, где уже сидели две другие сотрудницы.

-- Не видели шефа?

-- Его нет? -- удивились, -- может, уже в оранжерее? Там горит свет.

Только сейчас заметила. Припомнила, как он говорил, что ожидает цветения новых сортов хризантем:

— Может, он уже при этих своих хризантемах?

Вошли в оранжерею, но и здесь его не было. Как обычно, пошли по тропинке, деловито рассматривая растения и новые посадки. Едва одна из них подошла к месту, где росли розы, как раздался ее крик:

— О боже!.. люди! — в её голосе был ужас, и она бросилась бежать к выходу, продолжая кричать... — Убитый он! Убитый!

— Где?

— Там. в розах.

— Кто?

— Наш шеф. Я туда больше не пойду. Вызывайте милицию, — она побледнела, и её стало трясти.

— Я в жизни всякое видела, может, выпил лишнего и спит, — сказала вторая и двинулась вперёд.

— Вообще, он никогда не пил столько, — возразила Зарэбска.

Подошли к лежащему в розах садовнику. В его спине торчала рукоятка ножа.

— Убит! Кто это мог сделать? Что теперь будет, пани Ядвига?

Решили позвонить по телефону, но он не работал. Зарэбска побежала к соседям.

-- Дежурный офицер милиции, слушаю, -- услышала она охрипший голос.

-- Это Ядвига Зарэбска... Убили садовника Завистовского... Приезжайте скорей, -- проговорила дрожащим голосом.

-- Повторите, пожалуйста.

-- Это Ядвига Зарэбека. Говорю из конторки садовника Завистовского, извините, не из конторки, а из дома соседей панув Липских. Садовник Завистовски уже мёртв. Адрес... Улица лесная, пятнадцать. Приезжайте.

-- Понятно. Через несколько минут кто-нибудь будет. Прошу дождаться.

Положила трубку и пошла назад.

-- Сейчас приедет, -- осведомила она своих подруг по работе.

Через некоторое время у виллы остановилась милицейская машина. Из нее вышел молодой милиционер в форме поручика.

-- Здравствуйте. Кто-нибудь из вас звонил к нам?

— Это я, — вышла несколько вперёд своих подруг Зарэбска и назвала свою фамилию.

— Где убитый?

— Лежит среди роз, в оранжерее, вон там, — показала рукой.

Поручик направился в оранжерею. Через несколько минут вернулся к ожидающим его женщинам и спросил:

— Кто из вас первой увидел убитого?

— Я, — отозвалась самая молодая из женщин.

— Пани здесь работает?

— Да.

— Как давно?

— Несколько лет.

— Садовник имел родственников?

— Не знаю. Всё время был один.

— Давно он здесь живёт?

— Не знаю. Мы этим не интересовались.

Он был очень хороший человек, учтивый, очень хорошо к нам относился.

— Кто его навещал?

— Приходило много людей. Покупали цветы. Мы не интересовались, кто к нему

приходил. У каждого человека свои заботы, и он мало обращает внимания на чужие.

— А как было вчера?

— Нормально. Как всегда, мы ушли домой, а он остался один.

— Как он себя вёл?

— Как обычно. Говорил только, что через несколько дней будет больше работы, потому что начнут цвести новые сорта хризантем.

— Он куда-нибудь выезжал?

— Иногда.

— Кто за него оставался?

— Я, — ответила Зарэбска.

— Пани не слышала, когда-либо у него были с кем-нибудь недоразумения?

— Нет. Был просто идеальным человеком. Почему его убили? Кто это мог сделать?

— У него большое состояние?

— Дела шли хорошо. Деньги, очевидно, имел.

— Может, его кто хотел ограбить?

— Это вы уж выясните.

— Кто из вас знает план дома?

- Я, – ответила Зарэбска.
- В доме всё, так как было раньше?
- Когда я вошла в комнату шефа, увидала, что телевизор включен.
- Пани его выключила?
- Нет. Вышла ничего на трогая, а потом, уже когда нашли его убитым, обо всем забыла.
- Вчера поздно вечером транслировали интересный футбольный матч. Может, ваш шеф его смотрел?
- Мой муж сидел у телевизора до полночи, не исключено, что и шеф тоже смотрел.
- Садовник интересовался спортом?
- Страстный болельщик. Говорил однажды, что когда был студентом, сам играл в футбол.

Подъехал милицейский фургон группы криминалистов. Первым на место происшествия отправился фотограф. Потом приступили к работе другие сотрудники. После тщательного осмотра места вокруг трупа и его обследования врачом, осторожно из-

влекли из спины нож и уложили его в специальную пластмассовую коробочку.

Произвели гипсовые слитки следов обуви. Около трупа были обнаружены курительная трубка и нитка от какой-то ткани. Затем труп увезли на специальной машине в лабораторию судебно-медицинской экспертизы, а вся оперативная группа перешла в виллу.

Здесь тщательно осмотрели все вещи и предметы домашнего обихода. Документы, корреспонденцию, сберегательные книжки и фотографии запечатали в специальных конвертах. При осмотре за понятых оставались работницы оранжереи.

Виллу закрыли и опечатали. Вокруг выставили специальную охрану. Нельзя было исключить, что преступник или преступники могут вернуться на место преступления.

ГЛАВА 7

Убийство Завистовского взбудоражило общественное мнение, и без того озадаченное двумя предыдущими событиями: исчез-

новением Язы Романьской и убийством неизвестной женщины. Слухи и сплетни, как это всегда бывает в таких случаях, росли от часа к часу. Город гудел. Преувеличения вырастали до чудовищных размеров, будили неуверенность и страх. Нет ничего удивительного, что убийствами заинтересовалось главное управление милиции.

В помощь Радомскому управлению милиции из Варшавы прибыли полковник Яновски и его подчиненный капитан Мирски.

По оценке, выдвинутой начальником отдела криминастики местного управления, вытекало, что насколько первых два происшествия имеют какую-то связь между собой, настолько нельзя было предположить связь убийства садовника с предшествующими событиями. Единственное, что связывало исчезновение Романьской с убийством Завистовского, был автомобиль Порэбского. Рано утром машина стояла недалеко от места происшествия, а сам Порэбски появился около неё в то время, когда милиция была в вилле садовника.

— Всё ли мы знаем о садовнике? — спросил полковник.

— Над этим работаем. Уже несколько часов специальная группа собирает все данные, относящиеся к личности Завистовского, — ответил начальник криминального отдела.

— Как вы думаете, полковник, стоит ли об этом помещать сообщение в прессе? — в голосе начальника милиции выразилось колебание.

-- Подождём дня два. За это время намечатся основные направления операции. Соберём побольше информации, утрясем факты и даже сплетни, блуждающие по городу. Они тоже иногда бывают цennыми.

— Что делать с Порэбским?

— Надо задержать до выяснения всех обстоятельств, — решительно ответил полковник. — Чем объясняет факт появления поблизости места убийства в тот момент, когда там шёл осмотр помещения?

— Твердит, что кто-то опять угнал у него машину, — ответил поручик Бжески.

— А вы в это верите, поручик? — в голосе полковника чувствовалось сомнение.

— Логика фактов говорит за то, что он не виновен. Уж больно неправдоподобно, чтобы он мог прийти в «пасть льва», если бы имел на своей совести тут же совершённое преступление.

— А может, он просто больной человек?

— Трудно точно вынести такое предположение. Это может определить врач-специалист, хотя кажется мне...

— Я дал санкцию на три месяца, — проинформировал всех присутствующих прокурор, — если будет необходимость — продлю.

— Мне кажется, что этого не потребуется, — произнёс капитан Мирски. — Я так же думаю, что этот человек не имеет отношения к убийству.

— Посмотрим, лучше подождать, — спокойным тоном произнёс прокурор и предложил: — Значит вы, капитан, не сомневаетесь в том, что Порэбски не имеет с этим ничего общего;

— Я был бы плохой офицер милиции, если бы не умел сомневаться. Однако прошу не

брать это моё мнение во внимание. Когда появится необходимость, я представлю нужные предложения по этому делу. Кажется мне однако, что это просто упрямый неудачник.

— Только что с его, автомобилем? Он всегда оказывается там, где совершается преступление, — в голосе прокурора почувствовалась жестокость.

— Может, это обычное стечние обстоятельств или чей-то злой умысел. Мне кажется, кто-то усиленно хочет направить нас по ложному следу. Вы не обратили на это внимание, товарищи? — спросил Мирски.

— Капитан, может, и прав, однако это надо проверить, — высказал решающее мнение полковник.

— Предлагаю, — вступил в разговор Бжески, — чтобы наши транспортники взяли под наблюдение эту машину. Сожалею, что...

— Нету у нас столько людей, чтобы заниматься таким наблюдением, — перебил его начальник службы движения.

— Здесь, мне кажется, существовала необходимость в таком наблюдении. Быть мо-

жет, удалось бы предотвратить смерть человека, — произнёс капитан Мирски с некоторым упрёком.

-- Если кому-то была необходима смерть садовника, он мог достичь своей цели без этого автомобиля, — высказался кто-то из присутствующих.

Капитан Мирски встал с кресла и подошёл к полковнику.

Некоторое время они разговаривали шепотом, после чего капитан покинул совещание.

В комнате, которую выделили Мирскому на время его работы в Радоми, молодая помощница капитана, сержант Ева Скочыляс, производила сортировку документов, привезённых с виллы Завистовского.

Документов было много. Когда капитан вошёл и закрыл за собой дверь, она улыбнулась ему и протянула стопку фотографий. Он стал их просматривать. На некоторых из них был изображен сам Завистовски, на других садовник был увековечен в окружении каких-то людей. Особое внимание Мирского привлекла фотография, относящаяся, как

было указано в надписи на обороте, к тысяча девятьсот тридцать восьмому году. Садовник на ней был сфотографирован с женщиной, черты которой показались Мирскому знакомыми, он или встречал, или...: «Конечно».

— Это она!

— Кто? — несмело спросила помощница.

— Ищите эту женщину на других снимках.

Через некоторое время комната выглядела довольно странно. По всей поверхности пола были разложены фотографии, что походило на забавную галерею, а двое взрослых, словно дети, передвигались на четвереньках и с повышенным интересом разглядывали их. Наконец, после почти часового просматривания они наткнулись на групповой снимок, на котором кроме других были изображены садовник и эта женщина. На обратной стороне было написано: «Варшава — год тысяча девятьсот тридцать шестой — ВПИ курс 3.

— Это, как видно, фотография студенческих лет, — сказал Мирски, поднимая трубку

телефона. Набрал номер междугородней и попросил соединить его с Варшавой.

Разговор был короткий. Капитан передал офицеру, который с ним разговаривал, чтобы были подняты архивы Варшавского политехнического института и найден снимок студентов третьего курса за тысяча девятьсот тридцать шестой год. При обнаружении такого — срочно выслать ему.

— Зачем пану этот снимок? — спросила Ева, когда он положил трубку.

— Женщина на этом снимке очень похожа на ту, что нашли в лесу.

Мирски взял фотографии и пошёл в фотолабораторию.

— Прошу вас это увеличить и сделать несколько десятков маленьких снимков, — попросил капитан лаборанта, вручая ему снимки. — Только надо срочно. Я буду ждать. Это очень важно.

— Понимаю.

— Когда я их получу?

— Как только будут готовы, я вам позвоню, пан капитан.

После возвращения из лаборатории он попросил принести ему из отдела учёта населения папку с документами на Завистовского. Её содержание было не обильным и информировало лишь о том, что садовник был «...сыном Гжегожа и родился двадцатого мая тысяча девятьсот пятнадцатого года в местечке Залесисках. По профессии инженер-авиамеханик. Окончил политехнический институт в тысяча девятьсот тридцать восьмом году. В тридцать девятом году работал на железной дороге в Дзалдове. Был на фронте, а потом в плену у немцев. На родину вернулся после освобождения. Работал на металлургическом заводе в Парнове, а затем в Дэбисах. С тысяча девятьсот пятидесятиго года ведёт частное хозяйство – разводит цветы. Холост. Семьи и родственников нет».

Когда Мирски закончил просматривать учётное дело Завистовского, к нему подошла сержант Ева Скочыляс со словами:

- Нашла какое-то завещание, – и положила на стол серый конверт.
- Завещание?
- Так написано, вот здесь...

Капитан взял в руки конверт и, не открывая его, направился в кабинет, где его шеф, полковник Яновски, всё ещё проводил совещание.

— Не исключено, что имеем завещание садовника, — произнёс капитан, кладя конверт перед полковником.

— Предлагаю открыть его комиссионно. Используем присутствие здесь пана прокурора и предоставим ему эту честь, — с этими словами полковник протянул конверт прокурору. Тот осторожно и с повышенным вниманием отрезал край конверта, достал из него несколько исписанных листов и тут же стал читать:

— «Завещание Януара Завистовского, составленное в соответствии с пожеланием и законом о наследовании моей единственной дочери и дочери гражданки Моники Ясеньской, Галине.

Я, Януар Завистовски, проживающий в городе Радоми по улице Лесной, дом номер пятнадцать, родившийся двадцатого мая тысяча девятьсот пятнадцатого года, заявляю в

присутствии адвоката Дональда Закшевского о нижеследующем:

Во-первых, в тысяча девятьсот тридцать шестом году, будучи студентом, познакомился со студенткой Моникой Ясеньской. В результате нашего сближения в тысяча девятьсот тридцать девятом году в мае месяце появился на свет ребёнок женского пола, которому было дано имя Галина.

Во-вторых, в тысяча девятьсот тридцать девятом году в сентябре месяце я был мобилизован в армию и ушёл на фронт. Раненым попал в плен, где находился в лагере для офицеров до мая месяца тысяча девятьсот сорок пятого года.

В-третьих, после войны вернулся по месту прежнего жительства, однако ни Моники Ясеньской, а тем более дочери там не нашёл. Объявленные розыски не дали результата. Удалось установить единственное, что мать и дочь покинули этот город. Однако мне не удалось выяснить, куда они выехали. Позже один знакомый уверил меня, что Моника погибла во время войны, но о судьбе дочери он ничего не знал. У меня остались только их

фотографии ещё студенческих лет, трёхмесячная дочь и Моника.

В-четвертых, не имею никаких родственников, ни близких, ни дальних. Самый близкий человек, мать – умерла в тысяча девятьсот сорок третьем году. Отца не помню, вероятно умер, когда я был ещё ребёнком.

В-пятых, в случае моей смерти хотел бы быть похоронен возле своей матери. Расходы на похороны находятся у адвоката Закшевского.

В-шестых, в случае отыскания Моники, а также моей дочери Галины завещаю им всё своё состояние, а именно: всё движимое и недвижимое имущество, все денежные сбережения, хранящиеся в банке на моё имя. Это моё распоряжение остаётся постоянным.

В случае, если не обнаружится Моника или дочь Галина, всё состояние должно перейти в собственность города Радоми.

В-седьмых, оригинал моего завещания находится у адвоката Дональда Закшивского, и его уполномочиваю для выполнение моей воли, изложенной в данном документе.

В-восьмых, двадцатого мая тысяча девятьсот пятьдесят девятого года. Январ Завистовский.

Заверяю собственноручной подписью, что данный документ был составлен в моем присутствии в день двадцатого мая тысяча девятьсот пятьдесят девятого года.

Дональд Закшевски – адвокат».

Прокурор кончил читать.

– Появилась новая фамилия, – заметил полковник, -- может, кто из вас, – он повернулся к начальнику местного управления милиции, -- слышал уже фамилию Ясеньска?

– Нет, полковник. Работаю здесь уже сколько лет, а такой фамилии не встречал. Может быть, в отделе учета населения что-нибудь найдётся. Велю поискать.

– Что делать с трупом? – спросил прокурор. – Может, обратиться к адвокату, чтобы он занялся организацией его похорон? У него все права на это от Завистовского.

– Поеду к нему, -- произнес капитан Мирски, -- одновременно спрошу его, что он думает по этому поводу.

— Очередную общую встречу предлагаю собрать вечером, — закончил совещание полковник.

ГЛАВА 8

Капитан Мирски остановился перед калиткой красивой виллы. Прикреплённая к столбу табличка информировала о том, что здесь проживает Дональд Закшевски — адвокат. Позвонил. Сначала в открывшуюся дверь выскочили два добермана, а следом показалась пожилая женщина. Капитан догадался, что это хозяйка адвоката.

— Добрый день, пани?

— Пан к кому?

— Мне нужен адвокат Закшевски.

— Его нет дома, он на заседании суда.

— Когда он вернётся?

— Трудно сказать, просил приготовить обед к трём часам. Потом у него на прием несколько человек. Пану назначено на сегодня?

— Вообще-то... да.

— Назовите свою фамилию. Я скажу ему, что вы были первыми.

-- Спасибо, но мне не срочно. Приду в другой раз. До свидания.

Мирски решил увидеть Закшевского в суде. По дороге зашёл в маленькое и очень уютное кафе: захотелось выпить кофе.

-- Что вам угодно? — спросила официантка, — когда он опустился в кресло.

-- Прошу чашечку кофе, и можно ещё что-нибудь...

— Имеем самые различные коньяки: французский, советский, испанский, албанский...

-- Спасибо. Я бы хотел сливок и творожник. Для спиртного сегодня очень жарко.

Через несколько минут на столике перед Мирским появилось кофе и творожник.

— Пан слышал, что у нас случилось? Убили двух женщин. Вернее, одна исчезла, а труп второй нашли в лесу. А вчера снова кто-то убил садовника.

— Троих? -- сделал вид, что ничего не знает.

— Люди боятся по вечерам выходить из дома. Особенно женщины. Кто-то говорил, что это вампир свирепствует...

— Вампир? Интересно. И потом, огородник не был женщиной.

— Жил у леса. Был одиноким.

— Богатый?

— А какой это садовник бедный? Может, пан мне покажет такого? А этот был, кроме того, один во всем городе.

— И не женился?

— Не одна с удовольствием вышла бы за него, но он не хотел никакой. Может, разочарованный в любви...

— Пани в это верит?

— А пан нет?

— К сожалению, не имел возможности полюбить, поэтому и не знаю, как можно разочароваться.

Посмотрела с недоверием.

— Пан шутит...

— Кого люди подозревают в этом злодеянии?

— Конкретно, никого не называют. Наверно, боятся...

В кафе вошёл элегантно одетый пожилой мужчина. Официантка прервала беседу и подошла к новому посетителю. С минуту с ним разговаривала и пошла к буфету. Тём временем тот достал трубку, аккуратно набил её и закурил. В кафе поплыл приятный запах дорогого табака.

— Прошу, пан адвокат, — сказала официантка, устанавливая на столик перед мужчина коньяк и кофе.

— Благодарю, пани Крыся.

Мирски собрался уходить, подозревая официантку и попросил счет.

— Извините, как фамилия этого адвоката?

— спросил её, когда она подала блюдечко с чеком.

— Это пан Закшевски.

— Кто?

— Пан Закшевски — адвокат, старейшина наших адвокатов, — сказала это так громко, что адвокат обернулся и кивнул капитану головой.

— Спасибо, пани, большое спасибо. — Мирски вместо выхода направился в сторону адвоката.

— Извините за беспокойство. Но я очень бы хотел с вами познакомиться. Разрешите пан представиться: капитан Мирски с главного управления милиции, — и добавил. — Можете уделить мне пару минут?

— Пожалуйста. Прошу пана сесть. Представляться мне нет необходимости, это уже сделала Крыся, — пошутил, подавая Мирскому руку, — нечасто имею возможность знакомиться с офицерами Главного управление. Чем могу служить?

— Пан, вероятно, слышал, что произошло прошлой ночью. В связи с этим у меня к вам просьба.

— Не знаю, о чем идет речь. Пока ничего не слышал. С утра на заседании суда, а сейчас только иду домой. Зашел выпить стопку коньяка. Выпьете со мной, капитан?

— Спасибо, не могу воспользоваться вашим предложением, очень жарко.

— Что случилось, говорите, пан...

— Убит садовник Завистовски.

— Кто?

— Януар Завистовски.

— Ещё несколько дней разговаривал с ним. Это жестоко.

— Мне неприятно, что приходится сообщать пану такую скорбную весть, но в документах садовника найден конверт с его завещанием. Из него следует, что оригинал его хранится у пана адвоката.

— Да, он у меня в сейфе. Пойдёмте ко мне, капитан. Это недалеко.

Хозяйка адвоката придержала доберманов за ошейник, пока они прошли в дом. Когда оказались в кабинете, адвокат попросил капитана предъявить свои документы.

— Прошу, вот моё удостоверение.

— Спасибо. Прошу меня правильно понять, но ведь дело идёт о завещании. Не имею права показывать его лицам, не имеющим к нему отношения или уполномоченным на это.

— Понимаю, пан адвокат, но теперь всё в порядке?

Адвокат подошёл к сейфу и, открыв его, вынул такой же конверт, какой был в деле капитана Мирского. Положил его около себя.

- Идентичный, — сказал адвокат.
- Из текста завещания вытекает, что пан... пан адвокат является выражителем воли усопшего.
- Такова доля адвокатов. Хотя думал, что не мне придётся когда-нибудь этим заниматься, а моему преемнику. Я ведь намного старше Завистовского.
- Вышло иначе.
- Жалко его. Порядочный был человек.
- Хотел бы ещё спросить пана. Кроме вас и садовника мог кто-нибудь знать о содержании завещания?
- Кажется мне, что нет.
- Вы уверены?
- Я не говорил никому. В этом обязывает меня моя должность. Разговаривал ли об этом сам Завистовский с кем-либо, не знаю. Однако не допускаю, чтобы он себе это позволил.
- Пан имеет возможность организовать похороны садовника?
- Конечно. А можно уже забрать покойного?

-- Нет, ещё нет. Но как только это будет возможно, мы вам сообщим. Может, даже завтра.

-- Буду ждать вашего звонка.

-- До встречи, пан адвокат.

ГЛАВА 9

По возвращению Мирски доложил полковнику о разговоре с адвокатом. Тот, выслушав капитана, протянул ему серую картонную папку с этикеткой отдела учёта населения.

-- Разберитесь с этим, капитан.

-- Сейчас?

-- Да. Это очень важно.

Мирски открыл папку и взял в руки лежащий на самом верху пожелтевший от времени листок. Пробежал его глазами. На лице появился немой вопрос.

-- Это ведь свидетельство о рождении Галины Ясеньской, -- взволнованно произнёс он.

-- Читайте дальше.

Другой документ, который Мирски взял в руки, было решение краковского суда.

— Что такое? Галина Романьска является дочерью Моники Ясеньской? Сейчас... Сейчас, — заторопился капитан, — ведь дочь Завистовского тоже имеет фамилию Ясеньской. Галина Ясеньская дочь Моники Ясеньской, так указано в завещании садовника. А ведь...

— Действительно. На основании этих документов выходит так.

— Следовательно, разыскиваемая нами Яза Романьска является приёмной, а не настоящей матерью Галины Романьской. Как думаете, полковник, она знает об этом?

— Мне кажется, нет. Всё указывает на это. Она уверена, что её мать Яза Романьска. Тем не менее, надо с ней поговорить на эту тему, — полковник посмотрел в окно, помолчал и добавил, — может быть, она что-нибудьпомнит с детства. Хотя... — махнул рукой, — вряд ли. В то время была совсем маленьким ребёнком. Привлекают внимание обстоятельства, при которых произошло удочерение Язы Романьской. Где была в это время

настоящая мать? Может, отдала ребёнка добровольно? Ведь Галина была незаконнорождённым ребёнком.

– Из документов следует, что формальное удочерение осуществлено сразу после войны, в тысяча девятьсот сорок пятом году. Удочерение оформлено в двухстах километрах отсюда, в Кракове. Потом приехали в Радоми. Именно здесь проживал Завистовски. Почему? Простое совпадение? Галина родилась в Быхни, удочерена в Кракове, а теперь живёт здесь. Необходимо справиться в Быхни, может там что-нибудь узнаем.

– Бесполезно. Полчаса назад я звонил туда, увы, все документы сгорели во время войны.

– В квартире Романьской не найдено никаких документов, которые бы говорили о том, что Галина удочерена.

– Мне кажется это вполне естественным. Зачем ей хранить документы, которые подтверждали бы, что Галина её приёмная дочь? И даже если она сказала ей об этом, зачем хранить такой документ? Галина всё равно Романьска.

- Вполне логично.
- Необходимо поговорить с Галиной и узнать, что она знает об этом и что может сказать.
- Поеду к ней.
- Только ничего пока не говорите о завещании. Это надо выполнить в присутствии адвоката и прокурора.

ГЛАВА 10

Уже около минуты капитан Мирски стоял у дверей Галины Романьской и нажимал кнопку звонка. Ему никто не открывал. Хотел уже уйти, когда услышал лёгкий шорох. А через мгновение щёлкнул замок, и в открытых дверях показалась сама хозяйка, одетая в домашний халат.

- О? Пан капитан. Простите, что заставила вас так долго ждать. Я была в ванной.
- Вы можете мне уделить несколько минут?
- Пожалуйста. Входите и расположайтесь как дома. Я одну минутку. Переоденусь.

Когда она появилась в комнате, на ней было красивое платье и элегантные туфли.

— Хотите пить? Так душно.

— Если можно, немного воды.

— Есть минеральная. Даже холодная, давно стоит в холодильнике. Одну минуту.

Вернулась с подносом:

— Что привело вас ко мне? — спросила, ставя на стол чашки и бутылку воды.

— Хотел бы задать пани несколько вопросов.

— О чём?

— Меня интересует прошлое.

— Моё?

— Пани и вашей матери.

— Слушаю пана, — опустилась в кресло и стала наливать воду в чашку.

— Когда и где пани родилась, я знаю. А мать когда-нибудь говорила пани, кем был её отец?

Она слегка покраснела:

— Нет, не знаю, кто был мой отец. Никогда его не видела. Мама не хотела разговаривать на эту тему. Вы понимаете, пан, это для неё была неприятная тема. Однажды,

только сказала, что погиб во время войны в тысяча девятьсот тридцать девятом году.

— Может, называла его фамилию?

— Нет. Женщина в таких ситуациях, как правило, не хочет об этом рассказывать, даже своим детям. Так было и в этот раз. Так что не знаю фамилии моего отца.

— Мать рассказывала, пани, или вспоминала, где вы были во время войны и почему потом жили в Кракове?

— Меня это не интересовало, а маме не хотелось вспоминать о годах войны. Я была тогда совсем маленькой и очень мало помню сама. А в школу пошла в Кракове, там её и закончила. Там же закончила институт. Потом мать по работе перевели в Радоми, и мы переехали сюда.

— Мать воспитывала пани одна?

— Когда была маленькой, у меня была няня, пани Янка. Потом ушла.

— Где она живёт?

— К сожалению, её нет в живых. Умерла в Виличиках. Жила там по улице Солевой. Когда умерла, было ей восемьдесят лет.

— Когда пани была в последний раз в городе, в котором родилась?

— Это, конечно, странно, но постарайтесь себе представить, что я там не была. Дом, в котором я родилась, был разрушен во время войны. Мама тоже туда не ездила. А почему пан капитан, спрашивает меня об этом?

— Мне необходимо как можно больше знать о пани и её матери. Не исключено, что это может помочь в распутывании этого дела.

— С удовольствием расскажу пану всё, что знаю. Спрашивайте ещё.

— Мать что-нибудь говорила о своей родне?

— У мамы нет родственников. Мы были одни...

— У пани есть снимки детских лет?

— Интересуетесь?

— Очень.

Положила перед капитаном альбом:

— Пожалуйста, посмотрите.

Мирски не спеша и внимательно рассматривал фотографии. Больше всего его заинтересовал снимок, на котором фотограф

запечатлел Галину, когда ей было всего не- сколько лет. Она была одета в красивое белое платьице с колье поверх его, с браслетом на руке и пятью большими перстнями на ее детских пальчиках, сжатых в кулочки.

Мирски долго смотрел на этот снимок. Она заметила это.

— Мама говорила, что это **семейные украшения**. Очень дорогие. Обещала, что когда-нибудь подарит.

Мирски ещё раз обстоятельно рассмотрел колье на снимке. Формой оно напоминало солнце с расходящимися лучами. Сверху на нём был маленький месяц, обращенный своими рожками вверху. Поверх месяца расположенные в виде треугольника три звёздочки. Идентичные три звездочки на фоне месяца были и на звенях браслета и на перстнях. Это являлось видным элементом принадлежности всех предметов к одному комплекту.

— Пани не знает, что стало с этими украшениями?

— Трудно мне что-нибудь сказать.

-- Может, мать дала их кому-нибудь на сохранение?

-- Вероятно, сказала бы мне об этом. Хотя кто её знает... Может, боялась их держать у себя.

-- Пани не спрашивала знакомых?

-- Нет. Могли меня неправильно понять. Если кто не отдаст сам, то... Трудно рассчитывать на его отыскание.

-- Можно взять на время этот снимок?

-- Он приклеен. Возьмите весь альбом. Когда будет не нужен, пан вернёт его мне.

-- Пани может быть совершенно спокойна. Или дать расписку?

-- Пан капитан шутит. Может, пан выпьет чаю?

-- С удовольствием. А ведь зашёл на пару минут и засиделся. Вон какие вам хлопоты.

-- Ничего, -- Галина вышла на кухню.

Когда она вернулась через несколько минут, Мирски всё ещё рассматривал снимки.

-- Пан капитан, скажите мне, пожалуйста, правда всё делается для того, чтобы найти мою мать?

– Могу заверить, что ни на одну минуту не прекращаются поиски. Это сейчас главная задача, и делаем всё возможное, чтобы это выяснить.

– Есть ещё надежда, что она жива?

– На это трудно ответить определённо...

– Бедная мама...

– Пани говорит о чём-нибудь фамилия Ясеньска? Встречали вы такую?

– Ясеньска?

– Да.

– Нет. Никогда не слышала.

– А имя Моника?

– У меня подруга с таким именем.

– Моника Ясеньска?

– Нет, Моника Вацлавска.

– Это уже не то...

– Никого другого с таким именем не знаю. А фамилию Ясеньска до настоящего времени не встречала. Пан капитан, я понимаю, что ваша работа обязывает хранить тайну, но почему вы задаёте вопросы, смысл которых я не могу понять?

– Пани мне обещала помочь?

– Обещала.

-- Следовательно, пани мне разрешила задавать вопросы. Даже такие, смысл которых неясен. Когда-нибудь пани приходилось слышать от матери о Януаре Завистовском?

-- От матери нет. Но ведь это садовник, которого убили и о котором говорит весь город. Это имеет что-нибудь общее с исчезновением моей мамы?

Вместо ответа капитан подал ей фотографию Завистовского:

-- Когда-либо пани видела этого мужчину в вашем доме или вместе с вашей матерью?

Галина долго всматривалась в фотографию:

-- Нет. Никогда.

-- В связи с этим прошу сказать вас, знаете ли вы адвоката Закшевского?

-- К счастью, до настоящего времени мне не приходилось прибегать к помощи адвоката. В связи с этим не знаю такого адвоката.

-- А мать?

-- Никогда мне о таком не говорила.

-- Всё правильно. Спасибо за разговор. Если ещё потребуется какая-нибудь информация, прошу пани нам помочь.

- Когда?
- Может, даже завтра.
- Подойти в управление?
- Вероятнее всего – в адвокатскую консультацию.
- А туда зачем?
- Мы должны будем выполнить одну формальность.
- Что, истёк срок на розыск мамы и вы её не хотите считать в живых? Я этого не позволю... Не позволю... Ищите её...
- Речь идёт совсем о другом, прошу так не думать. Позвонит адвокат Закшевски и скажет, в котором часу мы встретимся.
- Пан тоже там будет?
- Очевидно, спасибо и до свидания, пани Галина.

ГЛАВА 11

По возвращению капитан Мирски доложил полковнику о своём визите к Галине Романьской. Янковски спокойно его выслушал, покрутил головой и подал Мирскому

трубку, которую нашли рядом с трупом Завистовского.

-- Капитан, вам не пришла на ум мысль, что её надо было отдать на экспертизу?

-- Почему, пан полковник об этом спрашивает?

-- Несколько минут назад я получил результат экспертизы. Прошу прочитайте.

Мирски взял в руку листок, быстро пробежал глазами и побледнел. Было видно, что содержание экспертизы его потрясло.

-- Заключение верное. Почему я этого не заметил?

-- Вот именно. Если бы мы знали, чья это трубка, быть может, уже сейчас знали бы виновника этого убийства. Поручил узнать, не Порэбского ли она.

-- Предполагаете, что его?

-- Не знаю. Это скажет экспертиза.

-- Неужели убийца садовника был настолько неосторожный, чтобы оставить такую улику на месте преступления?

-- Даже самые квалифицированные преступники оставляют улики, иначе бы их никогда не раскрыли.

В комнату вошла секретарша начальника управления.

- Пан полковник, вам звонят из Варшавы.
- Спасибо.

Когда полковник вышел, Мирски стал рассматривать трубку. Он был удручен: «Как он, опытный, старый офицер-следователь, просмотрел и недооценил такой важный факт, как эта улика? Очевидно, устал. Надо отдохнуть. А может, уйти на пенсию?». Заметил себе, что впервые подумал об этом как о близком и реальном.

Появление полковника прервало его печальные размышления.

- День сплошных неожиданностей, капитан.
- Что ещё?
- Стала известна фамилия женщины, труп которой был найден в лесу. В Варшаве установили, что убитая некто Моника Добerek. Приехала из Лондона. Остановилась в одной из варшавских гостиниц. Несколько дней назад вышла из неё и уже не вернулась. Дата исчезновения её из гостиницы совпадает с временем гибели.

– Интересно, к кому она здесь приезжала?

– Сразу на это не ответишь. Необходимо тщательно просмотреть все записи в гостиницах, поспрашивать у людей, выяснить, не пользовалась ли она услугами междугородного телефона или не оформляла ли какие документы в банке. Необходимо также установить: не встречал ли кто её в доме, где жила Яза Романьска. Особенно, не видел ли кто её у Завистовского.

– Но ведь люди видели её снимок в газете.

– Не каждый читает газету.

– Тоже верно.

– Но прежде всего нам надо уточнить, действительно это труп Моники Добрек или нет. В Варшаве утверждают, что это она, однако надо знать точно. На сто процентов. Особенно необходимо обратить внимание на факт, что девичья фамилия убитой и фамилия сожительницы Завистовского – идентичны. Моника Добрек перед выходом замуж носила фамилию Ясиньска.

– Это невероятно. Такое сплетение неожиданных фактов и удач. В этой ситуации необходимо, чтобы криминальный отдел уточнил: является ли Галина Романьска дочерью Моники Добрек.

– Экспертиза это, очевидно, докажет.

– Наверно. Не кажется ли вам, что этот результат поможет нам в деле оформления наследства Завистовского на имя Галины Романьской?

– Вероятно, адвокат уже готовит документы на передачу наследства.

– Но сейчас есть случай ускорить это дело.

– Только как на это среагирует Романьска?

– Думаю, нормально. Мое мнение – сказать ей сначала о том, что написано в завещании. Посмотреть, как будет воспринимать. Потом, мне кажется, всё пойдёт своим чередом.

– Разговор будет не из приятных, но другого выхода нет.

– Позвоню адвокату Закшевскому, чтобы приготовил всё к завтрашнему, ко второй полу-

вине дня. Попрошу, его пусть он сам пригласит к себе Галину Романьскую. Так будет лучше.

-- Необходимо обязательно предупредить прокурора. Он должен обязательно присутствовать при этом.

ГЛАВА 12

Встреча у адвоката Закшевского была назначена на четырнадцать часов. Когда все, кто был приглашён на эту встречу, собрались, капитан Мирски попросил слова.

-- Пани Галина, -- обратился он к девушке, -- нам, всем здесь присутствующим, выпала миссия сообщить пани неизвестные до этого сведения. Пан, надеюсь, позволит, -- он взглянул в сторону адвоката, -- изложить мне установленные факты и уточнить некоторые новые, которые позволят вам выполнить свои обязанности. Среди документов убитого садовника, Януара Завистовского, нами было обнаружено завещание, оригинал которого хранится в делах пана адвоката. Он в настоящее время является изъявителем воли

умершего. Оперативная служба милиции установила, что лицо, о котором идёт речь в завещании, есть присутствующая здесь пани Галина Романьска.

— Ничего не понимаю. Это, очевидно, какая-то ошибка. Я уже говорила пану, что никогда не знала Завистовского, — взволнованным голосом произнесла Галина.

— Постараюсь всё разъяснить. В подтверждение своих слов располагаю соответствующими документами. Их достоверность может подтвердить присутствующий здесь пан прокурор.

Галина и адвокат посмотрели в его сторону. Тот в подтверждение кивнул головой.

Адвокат, приступая к своим обязанностям, взял в руки серый конверт, который ему предстояло вскрыть. Видно было, что он волнуется. Когда разрезал ножом край конверта, руки его слегка дрожали. Наконец, вынул два белых листа и начал читать:

— Завещание Януара Завистовского, составленное в соответствии с положением и законом о наследовании, моей единственной

дочери и дочери гражданки Моники Ясеньской Галине...

— Кто эта Ясеньска? Причём здесь моё участие? -- спросила Галина. -- Ведь моя фамилия Романьска и моя мать Яза Романьска.

— Может, пан капитан, внесёт ясность? — обратился адвокат к Мирскому.

-- Хорошо, извините, пани, но лицо, о котором говорится в завещании садовника Завистовского, это вы.

— Как?

— А вот так. Это вы... Здесь, -- Мирски положил руку на папку, -- имеются документы, подтверждающие, что пани являетесь дочерью Моники Ясеньской. Яза Романьска вам не родная мать, она вас удочерила.

Эти слова настолько потрясли Галину, что ей сделалось плохо, и она потеряла сознание.

Когда её привели в чувство и усадили в кресло, адвокат попросил разрешение продолжить чтение. Она кивнула головой.

Тот последовательно, пункт за пунктом, зачитал завещание и положил его на стол. В комнате воцарилась натянутая тишина, ко-

торую никто не решался нарушить. Первой заговорила Галина:

— Ещё недавно, была так счастлива. Имела мать. Что из того, что не родную? Зато любимую больше всех на свете. Имела отца, правда, я его не знала, а был он так близко... Имею где-то на свете родную мать, но не известно где. Жива ли?

— К сожалению, её нет в живых, — прокурор счёл необходимым навести ясность до конца, — она как раз та женщина, труп которой был найден в лесу.

— Что такое? Это моя мать?

— К великому огорчению, да.

— Кто их убил? Пан капитан, пан прокурор, кто это сделал?

Ответом было молчание.

— Мои нервы не выдержат, я сойду с ума! Люди, сжальтесь надо мной! Скажите мне, кто это сделал? Я хочу знать, кто является причиной моего несчастья, прошу вас. Если имеете хоть частицу сострадания, скажите мне! — В её глазах отразились страдание и отчаяние.

— Делаем всё, чтобы установить истину и наказать виновного. Но на данный момент имеем только подозрение. Следствие продолжается, — попытался успокоить её прокурор.

— Что же мне делать? Ведь теперь я могу стать объектом очередного преступления!

— С этого момента мы берём вас под свою опеку. Так что ничего плохого с вами не случится, — ответил ей капитан.

— Пан адвокат, когда мой отец написал это завещание? При вашем чтении я не обратила внимания.

— Двадцатого мая тысяча девятьсот пятьдесят девятого года.

— В день моего двадцатилетия, если бы я о нём знала. Ведь он был совсем рядом, а я его совсем не знала.

— Как явствует из завещания, ваш отец уполномочил меня быть изъявителем его воли, что же я должен дальше делать? Что мне пани посоветует? — Голос адвоката теперь звучал уверено и по-деловому.

— В данный момент я ничего не сообщаю. Давайте отложим этот разговор до завтра, пан адвокат.

— Мне, очевидно, необходимо заняться похоронами, если пан прокурор даст разрешение на выдачу останков, — произнёс адвокат.

— Разрешение я могу подписать сию минуту.

— Средства на покрытие расходов на похороны имеются. Их оставил, как вы знаете, из завещания, сам покойный.

— Что же получается, мой отец ожидал смерти?

— Каждый с ней встречается.

— Я могу идти?

— Надо только подписать протокол.

Когда все формальности были закончены, Галина вместе с Мирским вышли из кабинета адвоката.

— Пан капитан знал, что я Ясеневска? — спросила его с упрёком в голосе, когда они вышли на улицу.

— Узнал только вчера.

-- Теперь вы можете мне сказать чуть больше о моей родне?

— Хорошо, зайдёмте в кафе.

Вошли в то самое кафе, в котором капитан встретил в прошлый раз адвоката Завистовского. Когда сели, Мирский сказал:

— Кофе и коньяк.

Галина вернулась к прерванному разговору.

— Пан капитан, прошу вас, скажите, как произошло, что я была Галиной Ясеньской, а стала Романьской?

— Согласно документам пани Язи Романьска удочерила пани в Кракове, сразу после войны, в тысяча девятьсот сорок пятом году.

— В то время мне было уже шесть лет.

— Вероятно, это была только формальность. Фактически удочерение произошло раньше:

— Вы знаете, как это произошло?

— Нет.

— А пан знает биографию пани Язы Романьской?

— Ровно столько, сколько в актах, ничего особенного. История жизни нормального человека.

— А что было с моей настоящей матерью Моникой Ясеньской?

— До настоящего времени не знаем её судьбы, знаем только, что прибыла недавно из Лондона, остановилась в Варшаве, потом приехала в этот город, и здесь её постигла смерть.

— Может, искала меня?

— Не исключено. Ещё не знаем подробностей, и трудно сказать, узнаем ли их когда-нибудь.

— А мой отец?

— Свою автобиографию он изложил в завещании.

— Не понимаю, столько несчастий!

— Такого дела ещё никогда не вёл.

— Сочувствую пану.

— Пани Галина, у меня просьба.

— Слушаю.

— Вероятно, передача всего наследства отца будет происходить комиссионно.

-- Очевидно, так. Адвокат будет этим заниматься.

-- В связи с этим убедительно прошу о разрешении участвовать при этом. Может быть, в это время обнаружим еще что-нибудь такое, что поможет распутать это дело.

-- Заверяю пана, что обязательно приглашу, верю, что пан сделает всё для отыскания виновника моей трагедии и не позволит уйти ему от заслуженной кары. Никогда не была сторонницей мести, а сейчас жажду её...

-- Можно пани проводить домом?

-- Пожалуйста. Меня дома ожидает приятельница, Моника Воцлавска.

ГЛАВА 13

Полковник Янковски проводил совещание офицеров, посвященное подведению итогов, достигнутых в последнее время по данному следствию. Капитану Мирскому выпала роль главного референта по этому делу.

— К сожалению, мы не можем быть довольны результатами следствия. Немного удалось нам установить. Виновник — или виновники — совершённых преступлений не только не были пойманы, но до настоящего времени остаются неизвестными. Задержанный Порэбски, в свете имеющихся в нашем распоряжении выводов, очевидно, не виновен. — Мирски оглядел всех присутствующих. — В этой ситуации, мне кажется, необходимо определить дальнейший ход операции, определить главные вопросы следствия. Я предлагаю направить работу по трём направлениям. Во-первых, затребовать, чтобы прислали все вещи, оставленные Моникой Добрек в гостинице. Тщательно обследовать их. Не исключено, что среди них имеется записная книжка, в которой могут быть записаны какие-либо фамилии, адреса или телефоны. Во-вторых, сделать репродукции со снимка, переданного Галиной Романьской. Я говорю о снимке с ювелирными украшениями, которые необходимо сделать отдельно с увеличением. Драгоценности были собственностью Язы Романьской. Исчез-

ли, очевидно, в одно время с их хозяйкой. Так как это изделие очень искусно выполнено, его или его части могли запомнить ювелиры. Конечно, только в том случае, если его решили перевести на деньги. Нашим работникам со снимками этого изделия необходимо побывать как у местных ювелиров, так и у краковских, варшавских и кельценских. Выяснить, не покупал ли кто из них что-нибудь из этого комплекта. Если это не даст результата, объявим розыск на всю страну.

Капитан замолчал на какой-то момент, снова обвел всех взглядом, но так как никто не высказал никаких замечаний, он продолжил:

-- В-третьих, необходимо организовать надёжную охрану Галины Романьской. Можно предположить, что убийца захочет с ней встретиться. Особенно сейчас, когда она стала наследницей Завистовского.

-- Хочу спросить, -- произнёс прокурор, -- не считаете ли вы, капитан, что причиной исчезновения Язы Романьской может быть как раз этот ювелирный комплект?

— Этого нельзя не учитывать, украшение было очень дорогим.

— Наши специалисты определили его стоимость в миллион золотых, — заметил начальник лаборатории криминалистики.

— Приличная сумма. Виновник мог на неё соблазниться.

— Прошу, однако, помнить, что инженер Яза Романьска вышла с кем-то добровольно, — заметил один из присутствующих.

— Мы помним об этом в наших рассуждениях. С самого начала ищем человека, который был в товарищеских отношениях с Язой Романьской. Только, к сожалению, никто не напал на его след.

— Да, Романьска должна была знать этого мужчину.

— Безусловно, трудно себе представить, чтобы она вышла ночью с кем-то незнакомым, а тем более села с ним в машину и уехала, — произнёс Мирски.

— А Галина Романьска не встречала этого «кого-то» в квартире матери.

— Говорит — нет. Одно здесь очевидно: этот кто-то должен быть знаком с Порэб-

ским. В двух случаях он использовал его машину.

— Не исключено, что он нашёл в нём козла отпущения.

— Думаю, пан прокурор, что Порэбского можно выпустить, — Мирски упорно отстаивал своё мнение о невиновности задержанного.

— А не рановато? Алиби не имеет. Доводы уличающие есть. Подождём ещё немного.

— Думаю, однако, что это не он, — не уступал Мирски.

— Достаточна ли охрана Галины Романской? — спросил полковник.

— Она есть. Я проверял. Но, как мне кажется, в настоящее время её надо усилить. В ближайшие дни ей предстоит много различных дел. Предстоят похороны отца, захочет, наверно посетить могилу Моники, дела по передаче наследства. Если учесть, что преступник или преступники до настоящего времени совершали преступления с целью овладения имуществом других, можно предположить, что они могут уделить вни-

мание и Галине Романьской. По-моему мнению, не исключен и шантаж.

— Слова капитана Мирского заслуживают внимания. В этой ситуации действительно надо уделить больше внимания безопасности Галины Романьской, — поддержал его полковник Янковски, и спросил:

— Имеем мы ещё какие-нибудь материалы, которые до настоящего времени остались непроверенными?

— Все материалы в работе у разных служб, виновник преступления от одиннадцатого июля, а также и убийства садовника не даёт о себе знать. В настоящее время проверяем контакты садовника, Галины Романьской, пытаемся установить, зачем Моника Добре приехала в нашу страну, где остановилась, с кем вступала в контакты.

— А что мы сидим, словно в обороне. ожидая сигнала от преступника?

— Это только на первый взгляд.

— Проверены ли лица, которые в последнее время сделали крупные приобретения?

— И такие указания даны. Прошу не сомневаться, мною сделано всё, чтобы наши

службы не сидели без дела, -- многозначительно подчеркнул капитан Мирски.

-- Установлено, при каких обстоятельствах была удочерена Галина Романьска?

-- С минуты на минуту ждём ответа от польского Красного Креста.

-- Это очень ценный источник. Если что-либо записано, получим полную информацию.

-- Поручил также проверить во всех старых документах Государственного комитета репатриации. Если Галина была во время войны за границей и потом вернулась в страну, то, наверно, сохранилась регистрация.

-- Предприняты ли какие-нибудь меры для установления цели приезда Моники Добрек в наш город?

-- Ни в гостиницах, ни в частных домах её фамилия не зарегистрирована. Всё указывает на то, что в Радоми она не ночевала. Как всем известно, никто не откликнулся на наше сообщение в газетах. Из этого вытекает, что она могла быть в этом городе только несколько часов, если вообще была. Ведь мог-

ли убить в другом месте, а потом привезти сюда. На этот вопрос, увы, не имеем ответа.

— Смерть Моники могла наступить сразу по прибытии её в Радоми.

— Могло быть и так. Врач установил время гибели — двадцать восьмого, или двадцать девятого июня.

— Почти в тоже время, когда исчезла Яза Романьска...

— Да.

— Вы не допускаете, капитан, что Яза Романьска могла выехать из страны? — спросил прокурор.

— Полковник дал указание провести проверку этого на всех пограничных пунктах. Установлено, что такая особа не пересекала Границу. Ни в одном из пограничных пунктов не зарегистрирована её фамилия.

— Очевидно, она могла покинуть Польшу с фальшивым паспортом. Разве не учитываете, что Яза Романьска могла сообщничать с кем-то, кто убил Монику Добрек и Януара Завистовского?

Не находим доказательств такому развитию событий, зачем ей было внезапно ис-

чезать, оставляя дочь, которую сильно любила?

-- Женщины иногда за минуты радости готовы оставить даже своих детей. А тем более приёмных, ведь Галина ей только приёмная дочь.

-- Не думаю, однако, чтобы могла оставить Галину и уехать не попрощавшись.

-- Может, ее кто-нибудь шантажировал?

-- И это взято во внимание. До настоящего времени на это ничего не указывает, но это не исключается.

-- Предполагаете, что она ещё жива?

-- Трудно сказать.

-- Думаете, что это дело закончится благополучно?

-- А вы, коллега? -- спросил Мирски. -- Что предполагаете предпринять в ближайшее время?

-- Усилить нашу работу на всех, как говорят, «фронтах», обращая особое внимание на вопросы, о которых я упоминал.

-- Ещё есть вопросы к капитану? -- спросил полковник, оглядывая присутствующих.

Увидев, что никто не изъявляет желания выступить, закончил совещание.

— Как думаете, капитан, к зиме выберетесь отсюда? — спросил полковник Мирского, когда закрылась дверь за последним из участников совещания.

— Всё будет зависеть от того, как дальше будут складываться дела. Верю, что преступник долго не вытерпит. Наша активная работа не позволит ему оставаться пассивным. Начнёт действовать, обязан. И тогда попадёт в наши руки.

— Я, к сожалению, должен вас покинуть, капитан. Важные дела обязывают вернуться в Варшаву. Так что решайте дела сами. Если появится какая-либо новая информация, звоните.

Когда полковник вышел, Мирски позвонил в Варшаву:

— Говорит Мирски. Прошу пригласить к телефону офицера, который присутствовал при просмотре вещей Моники Добрек. Да. Я подожду. — Через некоторое время услышал голос поручика Михаловского.

— Привет, старина! Из Радоми звонишь?

-- Привет. Да, всё ещё торчим в Радоми.

-- Удалось что-нибудь установить? Виновника нашел?

- Ничего определённого. А если говорить конкретно, то очень многое зависит от того, что я хочу спросить. Речь о том, не обнаружены ли в вещах, оставленных Моникой Добрек в гостинице, во-первых, деньги, во-вторых, записные книжки, в-третьих, записи, свидетельствующие о том, что привезла с собой какие-нибудь драгоценности, деньги и вообще, что-нибудь стоящее?

- Да, кое-что есть, привезла с собой пять тысяч долларов, это указано в официальных документах. Но в гостинице никаких денег обнаружено не было, ни долларов, ни золота. Нашли только небольшой календарь, а в нём две колонки цифр.

- Не думаешь, что это могут быть номера банкнот?

- Мне тоже так кажется. Передал их в центральную картотеку, пусть проверят.

- Почему мне не позвонил?

- Ждал результаты проверки.

-- Много позиций?

— Около двадцати. Были записаны на внутренней стороне обложки календаря.

— Если бы это были номера банкнот, мы бы могли напасть на след ее контактов.

-- Ты можешь мне продиктовать их серию и номера?

— Действительно, одну минуту.

Капитан записывал. На листке вырастал длинный столбик из букв и цифр. Когда положил трубку, на какой-то момент задумался, потом энергично поднялся с кресла и пошёл к начальнику милиции.

— Майор, кое-что новенькое.

— Новое задание?

— Да.

— Уже несколько дней мои люди работают почти по две смены. Забудут, что такое домашний уют.

— Когда закончим, отдохнут, дело очень важное.

— Что это такое?

— Завтра необходимо сделать облаву на местных валютчиков.

— Вызовем переполох.

— Понимаю. Но другого выхода нет.

ГЛАВА 14

На следующее утро сотрудники милиции начали наносить визиты лицам, подозреваемым в валютных махинациях. Были приведены в действие все средства связи, и работали, как говорится, на «полных оборотах». Заранее было определено, что если эта операция не принесёт ожидаемых результатов, перенести её на другие центры страны.

Приближался полдень, а на след банкнот, привезённых Моникой Добрек, пока никто не напал. Мирски начал сомневаться, не записаны ли эти номера каких-то иных банкнот, например, оставленных за границей. Однако решил продолжать поиски. Была какая-то уверенность, что на этот раз ему удастся, наконец, выйти на нужный след. И не ошибся. Около четырнадцати часов зазвонил телефон.

— Мирски слушает.

— Капитан, — проговорил один из следователей, — имеется один из указанных номеров.

— Можно яснее?

-- Мы задержали человека, у которого кроме других банкнот имеется стодолларовая ассигнация с интересующим нас номером.

Капитан, всегда спокойный и уравновешенный, на этот раз нервничал — не мог дождаться, когда привезут задержанного. Им оказался владелец мастерской глиняных игрушек. Он уже значился в картотеке как лицо, занимающееся махинациями с долярами.

— Пан капитан, всё расскажу. Знаю, что с вами шутки плохи. Влип, — начал он, прежде чем успел сесть на указанное ему кресло.

— Это хорошо, что пан решил всё рассказать. Слушаю.

— Человек, у которого я купил эту сотню, просил за неё очень мало. Очевидно, ему нужны были деньги, за неё при нормальных обстоятельствах пришлось бы заплатить двенадцать, может и тринадцать кусков. А этот запросил только десять. Это же небывалая удача, — говорил он об этом так, как будто не знал, где находится и о чём с кем говорит.

- Кто пану продал эту стодолларовку?
— Я видел его первый раз. Потом с ним не встречался. Могу описать его внешность.

Из его описания некоторые приметы напоминали мужчину, с которым ушла Яза Романьска. Это подтверждало версию, что Моника Добрек должна была иметь контакты с человеком, которого сейчас разыскивает милиция в связи с исчезновением инженера Язы Романьской.

- Где это было?
-- В нашем кафе «Любимая».
– Когда?
-- Бываю там после обеда. Большая чашечка кофе очень хорошо мне помогает.
-- Я не спрашиваю пана, когда он ходит в кафе, а когда пан купил эту банкноту?
– Купил её двадцать девятого июня, очень хорошо помню.
-- Как вы определили, что этот мужчина может продать доллары?
-- Через моего знакомого.
-- Как его фамилия?
-- Не знаю.

— Когда пан посидит, очевидно, вспомнит.

— Панове, я действительно не знаю, как его фамилия. В таких случаях не принято спрашивать, как фамилия, да и зачем? Узнаём друг друга по физиономии.

— Это уже особый метод.

— Уважаю, чтобы знать о ком-то другом как можно меньше.

— Кто устроил эту сделку?

— Мой знакомый сказал, что есть кто-то, кто хочет продать сотню по сходной цене, деньги имел и поэтому приобрёл.

— У него была только эта одна?

— Видел у него несколько.

— Почему не купили больше? Ведь такая удача.

— На следующий день должен был заплатить налог, а плачу немало. Денег больше не было под рукой, но занимать не хотелось. Мы должны были ещё встретиться, однако пришлось выехать из города, и больше его не встретил.

— А знакомый?

-- Видел я его на прошлой неделе, но об этом разговора не было.

-- Где его пан встретил?

-- В «Любимой».

-- Поедемте туда, и пан нам его покажет.

-- Панове, ни за какие деньги, лучше я всё потеряю, чем покажусь там с вами. Скажут, что я был вашим осведомителем, и мне конец, а я имею детей и мастерскую. Меня прихлопнут. Будут думать, что это я устроил на них ваш налёт.

-- Сделаем так, чтобы никто ничего не догадался.

-- Панове, я действительно не поеду. Не берите ни меня, ни моих родных на свою совесть. Я не поеду. Обещаю, что больше никогда не буду покупать доллары, заберите эти сто, и даже всё что осталось, но отпустите меня домой. Я был наивен и глуп. Теперь жалею...

-- Не кажется пану, что четыре тысячи долларов, обнаруженные у вас, кое-что значат? -- произнёс прокурор, вошедший в самом начале разговора. Всё это время он внимательно следил за ходом допроса.

- Копил на «Фиат».
- На один?
- Ну, на «Фиат» и на всякий чёрный день.
- Нельзя сказать, чтобы день наступивший был для пана в розовых тонах.

ГЛАВА 15

Был дождливый вечер. По безлюдной улице шёл мужчина. Часы показывали двадцать один час, когда он остановился перед одним из домов, довольно далеко стоящим от других. Осмотрелся, убеждаясь, что за ним никто не следит, и вошёл в подъезд. Поднялся по лестнице на второй этаж, постучал в дверь. Ему открыла элегантная, хотя уже не первой молодости, женщина. Улыбнулась и пригласила пройти.

– Приветствую! Долго пан меня не навещал. Мы думали, может, пан остался за границей. Похоже, на западе коммерсантам хорошо живётся. При ваших способностях пан был бы там, по крайней мере, совладельцем концерна.

— Спасибо за комплимент, пани майорша, но ведь есть лучше меня и с большим запасом деньжат, — снял плащ и повесил на вешалку. Он был одет в элегантный серый костюм, белую сорочку, со вкусом подобранный, зелёный галстук бабочкой.

— Ох, эти наличные! Принес пан хоть немного?

— Да. Считайте, что сегодняшний вечер, за мной.

— Если бы так было. Желаю удачи. Много жетонов пан возьмёт?

— На сто тысяч.

— Чем пан платит?

— Часть долларами, часть злотыми.

— Не боится пан иметь доллары после того, что было в нашем городе?

— По работе связан с заграничной торговлей...

— Да, действительно.

— Могу сказать, что приберёг.

— Милиция не очень верит в такие сказки.

— Это надо понимать, что пани не возьмет у меня доллары?

— Пан шутит? Я беру всё. В любых размерах и в любом виде. Меня никто не может подозревать. Разве могут подумать, чтобы бедная вдова майора, ушедшего на пенсию ещё до войны, могла иметь доллары?

— Да, действительно такое трудно подумать, — произнося это, он рассмеялся искусственным смехом, — величина пенсии исключает такие мысли.

— Пускай пан не думает об этой пенсии так серьёзно...

— Я щучу, пани Марта.

— На сколько пану дать?

— Я уже говорил. На сто тысяч. Пятьдесят плачу злотыми, а пятьдесят тысяч долларами. Согласны?

— Что делать, согласна. Однако за десять процентов.

— Разумеется, прошу, вот деньги.

— Спасибо.

— Прошу, пересчитайте.

— Не стоит. Я верю своим клиентам.

— Сколько человек будет сегодня?

— Несколько.

— Появился кто-нибудь новый?

-- Есть один, уже который раз хочет отыграться... Наивный. Оставил здесь уже порядочную сумму. Больше имеет счастья в любви, чем в игре...

-- А пани?

— Не жалуюсь. Ни на первое, ни на второе, вполне довольна. Никогда в жизни не жаловалась.

Когда она вышла, мужчина внимательно оглядел комнату. С тех пор, как он был здесь в последний раз, появилась только картина неизвестного художника.

Через несколько минут вернулась хозяйка и вручила ему мешочек с жетонами.

-- И здесь сто тысяч?

-- Девяносто. Я вычла свои проценты.

— Всё равно, может быть и девяносто.

— Пан не верит? — спросила так, что поверили бы, даже если бы тут была только половина обмененной суммы.

— Спросил просто так. Дал деньги, а получил какие-то железки.

— Не железки, а жетоны, мой дорогой, жетоны. Это большая разница, они имеют стоимость. Я их гарантирую. «Фирма» су-

ществует давно и имеет высокую репутацию. Не каждому дозволено переступать этот порог.

— А если бы сюда пришла милиция?

— Разве я не могу принимать у себя приятелей? И потом, кому какое дело. Я действительно уже не молодая женщина, но это не означает, что я хуже этих вертихвосток.

— Ну зачем же, пани майорша, пани — это высший класс, а те девчонки... Да как можно сравнивать...

— Вот видишь, мой дорогой. Так что будь спокоен и постарайся сосредоточиться до игры. С минуты на минуту должны быть остальные. Может, пройдёшь в другую комнату и там помечтаешь себе о выигрыше? Я должна каждого из вас встречать индивидуально. Так заставляют условия игры в этом доме. Никто не должен знать, кому сколько обменяла.

— Прямо как в швейцарском банке, полная тайна.

— Банки уже не те. Похоже, они передают информацию Скотланд-Ярду. Я же не разглашаю тайну никому.

Кто-то постучал в дверь. Он прошёл в указанную ему пани Мартой комнату и сел в глубокое кресло. Задумался о том, что его здесь ждёт. Сколько выиграет? Удастся ли ему отыграть то, что пришлось оставить в прошлые раза? Этот дом был для него негостеприимный, несмотря на то, что хозяйка к нему очень благосклонна и делает всё, чтобы ему было здесь хорошо. «Если отыграюсь, перестану навещать Марту и её друзей, — решил он. А если нет?». На этот вопрос он не находил ответа.

В комнату вошёл пан Януш, старый посетитель дома пани Марты, сердечно поздоровался.

-- Давно пана не видел.
-- Я уезжал.
-- За границу?
-- Да.
-- Я так и думал, а что потом?

-- Ничего особенного. Иногда прихожу сюда, и так время проходит. Не правда ли, как похолодало? — сменил он тему разговора, — неужели конец лета? Ведь ещё июль, а погода осенняя.

— Да, пока ещё июль... Пан слышал об этих убийствах?

— Слышал. Это страшно.

— Что теперь делает милиция? Разные операции и ничего. Кончилась или нет эта охота на валютчиков?

— Похоже, да. Напали хоть на след виновников?

— Какой там! Пан думает, что это так просто? Это сделал какой-то опытный преступник.

— Говорят, преступление особое.

— Что-то в них есть, мой дорогой, что-то есть, — повторил пан Януш.

— Вероятно, да.

— Если их поймают, не исключено, что их несколько, то их, наверно повесят.

— Наверно.

— Пан сегодня в покер? — спросил пан Януш.

— Конечно. А пан?

— Буду второй. Подождём ещё двоих и начнём.

— Должны сейчас подойти.

-- Наверно, придут. Наша уважаемая хозяйка не может жаловаться на отсутствие клиентов.

Вошла пани Марта.

- Вот, прошу, чтобы скрасить нудное ожидание, пока придут остальные, -- с этими словами она поставила на стол два коктейля.

-- Благодарим, просто мечтал о чём-нибудь таком, -- сказал партнер.

-- Пан Януш очень любезен, -- улыбнулась хозяйка.

Через полчаса, наконец, собралось необходимое количество. Сели за столик.

-- По сколько? -- спросил кто-то.

-- Нормально, -- ответил Януш. Это означало, что ставка составляет пятьсот злотых.

Мужчине с зелёной бабочкой карта определённо не шла. Когда в банке была большая сумма, карты были плохие, когда маленькая наоборот, хорошие. Иногда шли какие-то тройки, иногда маленькие козыри. Но ни разу не было масти или кареты. Имеющийся запас жетонов тревожно таял, в мешочек их оставалось всё меньше. Необхо-

димо было рисковать, чтобы заиграть мощно — это единственный шанс отыграться.

Приближалась полночь. Хозяйка принесла горячий ужин. Прервали игру, но ненадолго. Обуреваемые азартом, игроки снова засели за зелёным столиком.

В последний момент ему пришли четыре дамы. Это склонило его на большую игру. Партнёры, конечно, тоже имели «кое-что» на руках. Начали подбивать банк. За вскрытие надо было платить по пять тысяч злотовых. Аукцион первым начал пан Януш и поднял его до пятнадцати тысяч. Один из противников выразил готовность удвоить эту сумму, а он решил её утроить, затребовав с партнёров по сорок пять тысяч злотовых за вскрытие карт. Нервное напряжениеросло. В комнате установилась глубокая тишина. Часы пробили час ночи. Начали выкладывать карты. Мужчина с бабочкой первым выложил сначала даму бубей, затем даму червей, следующим короля трефей, а потом ещё две дамы. Ждал, что выложат противники. Один сразу бросил карты на стол, давая понять, что проиграл. Пан Януш выло-

жил сначала одного тута, затем второго, потом короля червей и ещё двух тузов.

Увидев это, он встал.

— Сделаем небольшой перерыв, — предложил один из игроков. Пан Януш складывал жетоны и ждал остальных. Мужчина с бабочкой был явно подавлен.

В течение нескольких часов он проиграл сто тысяч. Последние, которые у него оставались.

— Может, кому нужно в долг? — спросила пани Марта, которая вошла в комнату как раз в тот момент, когда игра прервалась.

— Мне! — бросил с вызовом мужчина с зелёной бабочкой, — прихватил маловато деньжат.

— Пожалуйста. Прошу пана со мной.

Прошли в другую комнату.

— Сколько? — спросила, когда оказались одни.

— Сто, — последовал короткий и решительный ответ.

Вышла и через минуту вернулась с новым мешочком жетонов и распиской на сто тысяч.

— Прошу это подписать... Так для формальности, — подсунула ему листок, — в финансах люблю иметь порядок. Подписал. Ему было всё равно. Мысли были об одном, иметь деньги и отыграться. Желание было одно: любой ценой вернуть хотя бы свои. Не представлял себе, как он выйдет из этого дома в полном проигрыше.

Игра продолжалась. Пришли ещё двое новых игроков. Теперь их за столом было шестеро. Сначала карта ему шла. Он выиграл уже тысяч тридцать, когда кто-то из игроков предложил раскинуть ещё одну пульку и закончить игру. Приближался четвёртый час утра. У мужчины в сером костюме, с бабочкой, явно стали сдавать нервы. Он понимал, что приближается конец игры, а с ним и надежды отыграться. Последняя раздача карт выпала ему. Начал банковать и проиграл. Осталось три жетона — три тысячи из двухсот.

Присутствующие покидали квартиру пани Марты по очереди. Он уходил последний.

— Прошу меня не забывать, — сказала ему на прощание хозяйка. Он знал, что это зна-

чит. Необходимо в ближайшее время вернуть долг сто тысяч злотых.

Медленно шёл домой по ещё пустым улицам. Зашёл в парк. Он был единственным человеком, который появился здесь в такой ранний час. Остановился у балюстрады и, облокотясь на неё, долго смотрел на спокойную гладь воды. На часах было семь часов, подумал: «Жены уже не должно быть дома, ушла на работу».

Действительно, её уже не было дома. Принял душ, побрился и пошёл на работу.

ГЛАВА 16

Крыспин Доброземски, первый заместитель директора главного управления торговли с заграницей, вошёл в свой кабинет в половине девятого. Не успел ещё положить папку на стол, как раздался телефонный звонок.

-- Приветствую тебя, -- услышал он голос своего шефа, -- у меня к тебе дело. Зайди.

-- Приветствую, а в чём дело?

Можешь выехать?

-- Когда?

— Как можно скорее, даже сегодня.

— За границу?

— Нет. На этот раз в пределах страны. Надо оценить новую машину по проекту, её предстоит выпускать для заграничных фирм. Из представленной пояснительной записки нельзя сориентироваться, к какому классу её можно отнести. Лучше всего определить это на месте.

— Ехать самому?

— Никого больше нет. Порэбски, как знаешь, сидит, а кроме него только ты это можешь сделать.

— Раз надо, то поеду, хотя и не очень хочется.

— Сделай это для меня, это очень важно.

— Хорошо, поеду.

— Я знал, что на тебя можно рассчитывать.

-- Зайти к тебе?

— Нет. Теперь уже всё ясно.

— Что ясно?

— Ну, знаю, что поедешь, особые убеждения тебе не нужны. Обо всём договорились

по телефону. А у меня с минуты на минуту должен быть представитель с другой организации.

-- Но, хорошо.

— Слышал, что этот убитый садовник оставил огромное состояние своей дочери. Похоже, миллион злотых. Красивая сумма, а?

-- Кто оставил?

— Садовник, об этом говорит весь город. Его дочь, является дочерью исчезнувшей женщины-инженера. Похоже, о наследстве узнала только после вскрытия завещания садовника. Хорошая неожиданность, да?

— Действительно, сумма красивая, миллион злотых!

-- Пригодился бы тебе?

— А тебе нет?

— Купил бы себе новую квартиру и новую машину.

-- А я не знаю, что бы с ним сделал.

— Не знала даже, что её предок живёт в этом же городе и имеет такое состояние.

-- Прямо как в книжке.

— Даже лучше, потому что всё случилось в действительности, а в книжке выдумывают

ситуации авторы. Эта девушка, похоже, красивая бабёнка.

— А кроме того богата. Интересная партия...

— Не для меня, брат, не для нас...

— Однако обстоятельства. Гибнет мать, потом отец...

— Милиция выходит из себя — и ничего, не могут напасть на след убийцы.

— Как думаешь, он из местных?

— А ты что думаешь об этом?

— Никогда не занимался разгадыванием таких загадок.

— Жаль. А что если кругануться слегка вокруг этого?

— Могут посадить.

— Тоже правда. Порэбски уже сидит из-за своего «разбойника»-«Фиата». Говорил ему, дураку, несколько раз, чтобы продал его. Вот теперь влип.

— Сейчас должен тебя послушать.

— Ведь не убивал же он этих людей?

— Неизвестно.

-- Не может быть, чтобы его посадили за такое дело. Он порядочный мужик, только глупо в это дело залетел.

— Алиби имеет? Если держат, то наверно, не всё хорошо.

-- Подозрения -- это ещё не обвинение.

-- Однако, от одного до другого недалеко.

— Думаю, всё-таки, это не он.

-- Посмотрим. Не интересовались у прокурора, как его освободить?

-- Нет.

-- А что ждёте? Надо похлопотать об освобождении и взять его на поруки.

— Надо подумать, пока!

— Пока!

Положил трубку. Сел за стол, но вскоре встал и подошёл к окну, смотрел с высоты шестого этажа на прохожих и проезжающие машины, думал, были это, видно, невесёлые мысли, так как лицо вскоре скривилось в гримасе не то отчаянья, не то усмешки.

Зазвонил телефон, подошёл к столу и поднял трубку. Звонил шеф. Сказал, что документы для него уже приготовлены.

Следом раздался новый звонок, на этот раз звонила жена. Спросила, как он себя чувствует и когда вернулся домой. Сообщил ей, что должен скоро уехать и после работы дома не будет; заедет домой взять туалетные принадлежности, бельё, рубашку и сразу на вокзал.

После разговора вышел из кабинета. В отделе кадров получил командировочное удостоверение, в кассе деньги и зашёл к шефу за документами. По возвращению к себе даже не посмотрел на содержимое принесённой папки. Тяжело опустился на стул и машинально протянул руку к телефону. Набрал пятизначный номер, выписанный на бумажку из телефонной книги, ещё перед тем как зайти к шефу. Никто не ответил.

ГЛАВА 17

Уже седьмой день сотрудники милиции дежурили в кафе «Любимая». Завсегдатаи этого помещения уже стали догадываться, что это милиция кого-то поджидает. Другие не обращали на них внимания.

Задержанный хозяин игрушечной мастерской был очень расстроен. Ему, конечно, хотелось, чтобы всё поскорее выяснилось, с какой-нибудь пользой для него. Рассчитывал на условное освобождение из-под ареста.

Наблюдение настойчиво вели, как в кафе, так и по всему городу. Капитан и его группа понимали, что обнаруженная стодолларовая банкнота -- очень важная ниточка для обнаружения следа, и утерять её нельзя.

Все эти дни сотрудники, которым были вручены портреты двух мужчин, составленные до устному описанию хозяина игрушечной мастерской, искали валютчиков. А может, не просто валютчиков.

В середине дня один из сотрудников доложил капитану о том, что напал на след колье из разыскиваемого милицией комплекта драгоценностей. Мирски попросил его зайти к нему.

-- Пан капитан, я установил, что мужчина, похожий на одного из тех, которых мы разыскиваем, принёс хозяину ювелирного магазина колье и продал его.

– Где оно сейчас?

- Увы, ювелир тоже его продал.
- Кому?
- Говорит, не знает, пришла однажды какая-то пара и купила. Заплатили и ушли.
- Как их фамилия?
- Ювелир их не спросил.
- Как это не спросил?
- Да, просто. Нет предписания, обязывающего спрашивать какие-либо документы при покупке драгоценностей. Может быть, в государственных магазинах...
- Конечно, нету. А ювелир не купил ещё что-нибудь из этой коллекции?
- Нет. Говорит, он у него больше не появлялся.
- Кто?
- Тот, который продал колье.
- И никогда его больше не видел?
- Однажды, было это на одной из улиц города.
- Ювелир уверен, что это был он?
- Конечно.
- А пару, которая купила колье?
- Их нигде не встречал.

-- Ювелир знает, что речь идёт о колье, которое мы разыскиваем?

-- Да. У него верный глаз. Говорил при этом, что это старая работа, очень тонкая и великолепная.

- Протокол написали?

-- В записной книжке, вот, пожалуйста.

-- Ладно, хоть такой.

-- Капитан, забыл ещё сказать, что строго предупредил ювелира. Он знаком с другими ювелирами, а к ним чаще приходят клиенты, чем в милицию.

- Все зависит, какие клиенты. Впрочем, неважно, о чём вы его предупредили?

-- Чтобы поговорил в своей среде и узнал: никто случайно не встречал других ювелирных изделий, похожих на эту коллекцию?

-- Что сказал?

-- Сообщит, если что-либо узнает.

-- Спасибо вам, сержант, за ценную информацию,

Мирски в этот день очень устал. Смена погоды давала себя знать. Опять установилась жара. Вместо того, чтобы поехать в отпуск, сидел в душном городе и занимался

совсем не лёгким делом. Решил сходить в бассейн.

На улице встретил прокурора.

— Куда, капитан?

— Чертовски устал. Иду поплавать. Пан, не пойдёт со мной?

— С удовольствием бы. Пройдёт лето и даже не заметишь его, но не могу.

Мирски поднялся на трамплин, с минуту балансировал на краю, и прыгнул в воду. Нельзя было не заметить этот великолепный прыжок. Группа молодежи, когда он показался на поверхности воды, наградила его аплодисментами. Все смотрели на него с удивлением и восхищением.

Когда во второй раз поднялся на трамплин, увидел Галину Романьскую. Была с какой-то девушкой. Узнала и помахала ему рукой. Прыгнул. Через минуту Галина вошла в воду и поплыла к нему.

— Добрый день, пани.

— Добрый день, пан капитан.

— Какая приятная встреча!

-- Жарко, и человека может выручить только вода. А это единственный бассейн во всём городе.

-- Поэтому и я сюда пришёл. Наверно, ночью будет дождь. Очень душно.

-- Хорошо, что встретила, пана, хотела даже позвонить и переговорить.

-- Вот и оказия. Можно пани угостить мороженым?

-- Пожалуйста, но я не одна. Со мной приятельница.

-- Приглашаю и приятельницу.

-- Желательно поговорить одним. Я с ней переговорю.

После короткого разговора с подругой Галина вернулась к капитану. Когда сели за столик, он заказал мороженое и фирменный напиток.

-- Пан капитан, я боюсь. Меня кто-нибудь убьёт.

-- Что случилось? У вас надёжная охрана.

-- Так уж?

-- Даже здесь пани находится под наблюдением наших ребят.

— Может пан мне их покажет? Лучше не надо.

— Жалко. Теперь, если ко мне кто-нибудь будет приглядываться, не буду знать, это милиционер или кто другой.

— Наверняка это будет настоящий милиционер. Пани так красива, что невозможно не обращать на неё внимание.

— Пан шутит, а я боюсь.

— Нет, я серьёзно. Но в чём всё-таки дело?

— Не знал, стоит ли об этом говорить, потому что точно не знаю, может это чья-то шутка.

— Что такое?

— Два дня тому назад, когда вернулась с работы, зазвонил телефон. Думала запоздалое соболезнование по поводу моего несчастья...

— И что?

— Вот, пан, посмотрите, как этот мужчина на меня смотрит... Может, это как раз он?

— Кто?

— Тот, который звонил.

— В таком случае, это наш человек. Сейчас отойдёт, я дам ему знак. — Мирски повернулся на кресле, улыбнувшись, кивнул головой человеку, сидящему невдалеке, и обратился снова к Галине:

— Расскажите, что за телефонный разговор?

— Подняла трубку, и кто-то меня спросил: «Со мной говорит Галина Романьска?». Если бы меня знал, не задавал бы такого вопроса. Потом просил договориться о встрече. Я поинтересовалась, кто говорит, — не ответил. Повторил ещё раз, что должен со мной встретиться в связи с моей матерью. Думала, у меня сердце выскочит или упаду в обморок. Я стала спрашивать его, где моя мать и жива ли она, а он положил трубку. Пан не думает, что это может быть тот, кто действительно что-нибудь знает о матери?

— Мне кажется, это просто жестокая шутка. Люди иногда совершают бес tactные поступки.

— А если это правда?

— Мы этим займёмся.

— Пан капитан, знаете, что я сделала?

– Чго?

– Пригласила переехать к себе Еву, это моя подруга. Это она сейчас здесь в бассейне. Решительная девушка. После всего пережитого быть одной в четырёх стенах просто невыносимо,

– Понимаю пани.

– Что же мне делать? Не обращать внимания на эти звонки? Как реагировать?

– Посмотрим, как будут развиваться события. Если будет пани надоедать, постараемся им заняться.

-- Может, кто-то зарится на мои деньги?

– Не исключено, что это шантаж.

-- А по делу моей матери, приёмной, есть новости? Нашупали хоть какой-нибудь след?

– Ищем не переставая. Но, увы, ничего конкретного до настоящего времени установить не удалось. Всё указывает, однако, на то, что виновник, связанный с уходом Язы Романьской, проживает в этом городе.

-- Пан считает, что его найдут?

– Если бы я думал иначе, попросил бы прокурора закрыть дело.

- Спасибо за добрые слова. Спасибо также за мороженое. Было очень вкусным, а знаете почему?
- Хорошая фирма?
- Нет, это ваша заслуга.
- Моя?
- Это в вашем присутствии оно было таким вкусным.
- Неужели?
- Да. Если бы пана... не было... то...
- То что? Прошу говорить яснее, в противном случае мне придётся разгадывать ещё одну загадку...
- Скажу пану в другой раз, хорошо? А сейчас мне пора домой.

ГЛАВА 18

Капитан Мирски попросил привести задержанного Мирослава Порэбского.

- Пан капитан, долго ещё меня будут здесь держать?
- Как раз хочу сообщить пану, что прокурор дал согласие на освобождение пана из под ареста

— Наконец-то, поверили в мою невиновность.

— Этого я не сказал.

— Пан капитан, даю честное слово, кто-то меня в это дело впутал.

— Слова — это немножко маловато, пан Порэбски. В следствии учитываются исключительно факты. А все эти разговоры против пана.

— Людям надо верить.

— Верим. И поэтому пана освобождаем.

— Сегодня?

— Сейчас пан будет свободен. Чем пан намеревается заняться?

— Могу ли я выйти на работу?

— Разумеется.

— Только, что я там скажу?

— Мы уже соответственно подготовили ваше начальство. Советуем говорить правду, какая бы она ни была.

— Большое спасибо, пан капитан.

— Теперь может мне сказать пан, где он был в тот момент, когда совершалось преступление?

— Нет, пан капитан. Не могу. Уже говорил, почему так поступаю. Не могу выдать женщину...

— Однако это удивительно.

-- Вероятно, но я дал зарок оставить это в тайне, даже за такую высокую цену, как свобода.

— Любовь?

-- Я не знаю, как это называть.

-- Пан поступает опрометчиво, но мы не можем вынуждать пана на такой разговор.

— Пан капитан, я всё ещё нахожусь под подозрением?

- Увы...

— Когда же вы поверите в мою невиновность?

-- Может, и поверим. Если не верим сейчас, это исключительно вина пана.

-- Понимаю.

— У меня один совет. Мне думается, пан должен продать свою машину. И пан, и мы имеем с ней столько хлопот, что лучше от неё избавиться.

-- Да, я понимаю, но я очень к ней привык. Расставание с ней принесло бы мне

большое огорчение. Сколько добрых воспоминаний связано с ней!

– Иногда приходится расставаться с более ценными «воспоминаниями». Пускай пан обратит на это внимание. Свободен...

– А пан капитан сам верит в мою невиновность?

– Я этого не сказал, пан свободен! – с этими словами Мирски протянул ему руку.

Когда капитан остался в кабинете один, позвонил полковнику и проинформировал его о результатах трёх последних дней. Тот пообещал приехать и помочь в анализе материалов, собранных на сегодняшний день.

Положив трубку, Мирски несколько минут сидел неподвижно и смотрел в окно. Потом поднялся и уже сделал несколько шагов, но круто повернулся, подошел к столу и позвонил Галине Романьской.

– Разрешите представиться, пани Галина. Что слышно?

– На этот раз всё в порядке. Пан будет сегодня в бассейне?

– А пани?

— Как раз собираюсь. Иду сама, подруга уехала на два дня. Пан приедет?

— Увы. Всё указывает на то, что не встретимся. Может быть, пани пригласит меня к себе чуть попозже. Сейчас ещё есть кой-какие дела.

-- Конечно, приглашаю. Мне будет очень приятно. Может пан прийти в семь вечера? Буду наверняка дома.

-- Спасибо, это очень любезно с вашей стороны.

— Ну что ж, до встречи!

— До встречи.

Мирски положил трубку и, пододвинув к себе толстую папку с документами, на которой виднелся заголовок «Две матери», начал её просматривать.

Когда оторвал от неё взгляд, часы показывали шесть вечера. Подумал: «Пора что-нибудь перекусить». Перед выходом из управления зашёл в ванную комнату, принял душ и переоделся. Выглядел немного усталым, но это его не особенно расстроило. Он знал, что несколько часов крепкого, здор-

вого сна вернут ему бодрый и спокойный вид.

По дороге к дому Галины Романьской он зашёл в ресторан и пообедал. Когда вышел на улицу, почувствовал подъем настроения и бодрости.

Галина встретила очень радушно. Было видно, что его приход ей приятен. Она любезно пригласила его пройти в комнату. Тут ничего не изменилось. Всё было так, как и в первый его приход. Он опустился в кресло, а она вышла в кухню. Вернулась через некоторое время с подносом в руках, на котором была тарелка с аппетитными бутербродами. Потом вынула из бара коньяк и рюмки.

-- Выпьем, пан капитан. В вашей компании я совершенно спокойна. Люди действительно счастливы тогда, когда им не угрожает никакая опасность.

– Оставьте, пани, эти хлопоты хоть на минуту.

– Увы, не могу.

– Куда пани собирается поехать в отпуск?

– Теперь, очевидно, никуда. Не могу это всё бросить. Это садоводство, другие дела,

так что, наверно, останусь в Радоми. А может, я должна выехать?

— Думаю, что это целесообразно с точки зрения поправки вашего здоровья.

-- Ещё как-то держусь. Человек вынослив, пан капитан.

-- Это только до времени. Лучше не допускать до состояния, при котором надо обращаться к врачам.

— Может, не потребуется.

Зазвонил телефон. Галина с выжиданием посмотрела на Мирского. Он кивком головы показал ей, что надо поднять трубку.

- Слушаю.

— Это пани Галина Романьска? — услышала в трубке.

Сразу узнала голос человека, который звонил несколько дней назад. В тот же миг сменилась с лица. Пропала улыбка, лицо сделалось неподвижным и побледнело. Заметив это, Мирски подошёл к ней. Теперь они слушали оба.

- Алло! Это пани Галина?

— Да. А в чём дело? Кто говорит?

— Это неважно, хочу с пани встретиться.
Имею важные сведения о вашей матери.

— Прошу.

— Пани одна дома?

— Да.

— Это неправда, слышу ещё чьё-то дыхание.

Галина посмотрела на капитана. Он дал ей знак, чтобы продолжала говорить.

— Я одна, но в чем суть?

— Это пани будет стоить... Это стоит, понимаете пани?

— Но что всё-таки? О чём пан говорит?

— О нашем разговоре, пани, не должен знать никто.

— Хорошо, но что конкретно?

— Если пани дорога её мать, надо приготовить деньги. За мать надо заплатить много...

— Сколько?

— Я ещё позвоню. Подчеркиваю, в этом деле необходимы большие деньги. Я ещё позвоню, до свидания.

— Алло! Пан слышит?!...

На другом конце положили трубку.

Капитан взглянул на неё и увидел перекошенное от ужаса лицо. Взгляд, полный отчаяния, был устремлён мимо него. Видно было, что она не может произнести ни слова. Наконец положила трубку, подошла к столу, наполнила рюмку коньяком и выпила. Повернулась.

— Слышал пан? Это же он.

— Это хорошо. Всё указывает на то, что он один.

— Что из того, что один?

— Легче будет его найти. Если бы их было несколько, нам бы было гораздо больше работы.

— Он хочет получить с меня деньги. Деньги, только деньги...

— Прошу вас, успокойтесь, пани Галина.

— Хорошо, что пан слышал этот разговор. Иначе мог бы подумать, что мне уже начинает казаться.

— Никогда бы так не подумал.

— Что пан капитан об этом думает?

— Сейчас узнаем, откуда звонил.

— Как это?

— Пани разрешит позвонить?

– Пожалуйста.

Он набрал номер:

– Это Мирски. Откуда звонил к Романьской? Из «Интермеха»? Пошлите туда наших людей, пусть этим займутся. Хорошо. Жду новостей. Скоро буду у себя. Пока.

ГЛАВА 19

Капитан Мирски вошёл в кабинет дежурного офицера.

– Капитан, наши ребята уже занялись этим делом.

– Это очень хорошо.. Сегодня придётся поработать немного дольше.

– Это понимать как совместную работу?

– За этим я и пришёл.

-- Попросить кофе?

– Даже по большой. Правда, Галина Романьска угостила меня коньяком, но и кофе не помешает. Поручик, а оперативная группа у себя?

– Работает над этим материалом.

– Пойду к ним. Если будет что-нибудь интересное, дайте мне знать. Прошу ещё

вас установить номер домашнего телефона директора «Интермаш». Хочу с ним встретиться.

— Попросить его сюда?

— Нет. Лучше бы поехать к нему.

Мирски вышел и направился в комнату, где занимались со специальной фоноскопийной аппаратурой.

— Стارаемся, капитан, установить, чей это голос. Не исключено, что это один из наших клиентов.

— Сравнивали с фонотекой?

— Прежде всего.

— И что?

— Увы, без результата.

— Может, Порэбски?

— Нет. Это не он.

— Может, кто-нибудь из известных местных преступников?

— Я думаю, вряд ли кто из них отважится на такое. Они не любят появляться, когда возникает серьёзное преступление. Стараются в это время не попадаться нам на глаза.

— Если появятся новые сведения, то прошу мне сообщить. Буду у себя в кабинете.

Мирски вернулся к себе, открыл окно. Над городом опускалась темнота. Фонари роняли свой свет на улицу, по которой ещё кое-где спешили одиночные прохожие.

Зазвонил телефон, докладывал дежурный офицер:

— Пан капитан, установлен номер кабинета, из которого звонили Галине Романьской. Шестьсот семнадцать.

— Чей это кабинет?

— Ещё не выяснили.

— Узнали номер телефона директора?

— Как раз хотел вам сообщить.

Мирски поблагодарил и тут же позвонил на квартиру к директору главка «Интермаш».

— Это капитан Мирски из милиции. Пан директор, я хотел бы с вами встретиться.

— Когда?

— Как можно скорее.

— А в чём дело? Ведь пан понимает...

— Можем мы встретимся через полчаса?

Дело очень срочное. Иначе я не позволил бы в такое время.

— Может пан приехать ко мне?

— Буду через полчаса.

Директор встретил его приветливо. Угостил кофе.

— Слушаю, пан капитан.

— Кто у вас работает в кабинете номер шестьсот семнадцать?

— Сейчас... Это кабинет моего советника, одного из заместителей, Мирослава Порэбского. Опять какие-то дела? Только вышел — и снова хлопоты.

— На этот раз что-то другое.

— В чём дело, капитан? Может, я смогу чем-нибудь помочь?

— Да. Хотел бы поставить пана в известность, что через пару дней в вашем главке будет «работать» один из моих офицеров.

* * *

Через несколько дней в главке «Интермаш» появился мужчина лет тридцати. Зашёл в секретариат и попросил разрешения на встречу с директором главка.

Выйдя из кабинета директора, тот направился к начальнику отдела кадров и был

оформлен как сотрудник по оборудованию механического отдела.

Мирски очень рассчитывал на него. Считал, что, как человек сведущий и интеллигентный, он должен справиться со своей задачей. В неё входило взять под наблюдение Мирослава Порэбского и проследить, с кем тот встречается, с кем находится в более дружеских отношениях, чем того требует производство, кого недолюбливает, имеет ли врагов, кто к нему приходит.

В первый день своей работы сотрудник милиции ничего интересного не заметил. Порэбски пришёл на работу в восемь часов, зашёл в свой кабинет и два часа из него не выходил. К нему тоже никто не заходил. В десять выпил чаю, в двенадцать зашёл в кабинет директора. В половине первого вышел из него и до конца, то есть до шестнадцати, сидел у себя. Вышел из здания «Интермаш», как и другие, сразу после окончания работы.

На следующий день всё повторилось. Пришёл в восемь, чай в десять, визит к директору, несколько часов работы в своём ка-

бинете, повторный визит к директору и уход домой уже после шестнадцати.

Третий день работы нового сотрудника в «Интермаше» начался подобно двум предыдущим. Он наблюдал.

Порэбски пришёл на работу пунктуально — в восемь. Ни с кем не разговаривал, зашёл в свой кабинет и приступил к работе. В десять его пригласил к себе директор. Вышел от него пятнадцать минут спустя и вернулся в свой кабинет, где выпил принесённый ему чай.

Около одиннадцати директор вышел из кабинета, а когда возвращался, попросил секретаршу пригласить к нему Доброземского.

Находящийся в это время в приёмной, с бумагами на подпись директору, новый сотрудник механического отдела, увидел, как через несколько минут в приёмную вошёл мужчина средних лет. Внешность его кого-то напоминала, но в первый момент никаких точных ассоциаций не вызвала. Лишь после того, как тот вошёл в кабинет директора, сотрудник милиции сообразил, на кого он по-

хож. Выйдя в коридор, он достал из внутреннего кармана фотографию с портретом, сделанного по устному описанию хозяина игрушечной мастерской. Без сомнения, лицо на фотографии очень походило на человека, которого он только что видел. Следовало немедленно сообщить об этом умозаключении капитану Мирскому.

Спустился в вестибюль. Ему повезло, в комнате дежурного никого не оказалось, и он мог свободно поделиться с капитаном своими предположениями. Тот выслушал его сообщение и обещал немедленно приехать в «Интермаш».

Действительно, прошло всего несколько минут, и капитан появился в приёмной главка.

Из кабинета вышел директор.

— Пан директор, пан ожидает... — опередила его вопрос секретарша,

— Пан ко мне? — директор сделал вид, что они не знакомы.

— На одну минуту.

— Прошу.

Когда вошли в кабинет, директор улыбнулся:

— Чем могу служить пану капитану?

— Могу и попросить личные дела этих людей? — и Мирски подал директору листок, на котором были записаны фамилии нескольких человек.

— Сейчас прикажу принести. Выпьете, пан, кофе?

— Охотно.

Директор позвонил по телефону, а затем вызвал секретаршу, и через несколько минут та принесла две чашечки кофе. Не успела она выйти, а в кабинете уже появился работник отдела кадров с папками в руках, он положил их директору на стол и вышел. Тот подал их Мирскому:

— Прошу.

Капитан бегло просмотрел принесённые папки, уделив больше внимания делу Крыслана Доброземского. Из имеющихся документов следовало, что он человек женатый, бездетный, хороший специалист. Во время войны был во Франции и Италии, потом вер-

нулся на Родину и работал в разных учреждениях. Репутацию имел хорошую, продвигался по службе, выезжал за границу. Только эта схожесть! Лицо с фотографии действительно сильно смахивало на портрет, сделанный в особом отделе по словесному описанию.

Мирски попросил фотографию из его личного дела, хотя бы на один день, и получил согласие директора. Сложив папки и поблагодарив того за помощь, он вышел.

Вернувшись в управление, вызвал дежурного и попросил привести к нему хозяина игрушечной мастерской. Когда того привели, попросил его подойти к столу, где предварительно разложил несколько фотографий.

— Пан может кого-нибудь узнать на этих фотографиях?

— Вот этот, пан капитан. У него я купил эти сто долларов, — и указал на фотографию Доброземского.

— Вы уверены?

— Да. Это он. Не имею никакого сомнения.

— А другие?

— Никого больше не знаю.

— Хорошо, сейчас напишем протокол.

Зазвонил телефон. Мирски поднял трубку и услышал голос Галины Романьской.

— Пан капитан, снова он. Позвонил минуту назад. Сказал, чтобы приготовила ему двести тысяч злотых. Мне надо сейчас же увидеться с паном!

Через полчаса был у неё дома.

— Пан капитан, я больше не выдержу. Этот человек мне грозит и жаждет двухсоттысяч. Сказал, что будет за мной наблюдать, пока я не сниму деньги. Он ходит за мной.

— Тем лучше. Мы пойдём за вами и таким образом он окажется в наших руках.

— Боюсь.

— Где предложил передать деньги?

— Сказал, чтобы я завтра вечером была с деньгами в кафе «Любимая» и ждала там его телефонный звонок. Во время этого разговора скажет мне, где должна положить эти

двести тысяч. Предупредил, что его люди будут за мной следить. Из этого следует, что он не один.

— Это он пугает.

— Что же мне делать?

— Выполнить его условия.

— Снять деньги с книжки?

— Конечно. Пани должна это сделать так, чтобы он мог видеть, что вы действительно их получили. Достанем пани маленький саквояж, в который вы положите полученные банкноты.

— Боюсь.

— Прошу вас никого не бояться. Пани всё время будет под нашей опекой. Мы не собираемся подвергать пани излишней опасности. На назначенное шантажистом место пойдёт наша сотрудница, которую специально пригласим сюда из Варшавы.

Она на пани очень похожа, а в остальном ей помогут профессиональные знания. Роль пани закончится сразу после разговора по телефону в кафе «Любимая». После того, как положите трубку, подойдёте к столику,

возьмёте саквояж и пройдёте в туалет. Там пани будет ожидать наша сотрудница, которой необходимо будет одолжить своё платье и саквояж.

В течение пятнадцати минут пани придётся подождать там, а затем выйти через служебные помещения, не заходя в зал кафе. Около кафе вас будет ожидать «Фиат 125Р», который доставит пани в управление милиции. После окончания операции, я думаю удачной, мы отвезём вас домой.

— Спасибо, пан капитан. Мне стало немножко легче. Постараюсь сделать всё, как вы сказали.

Капитан попрощался и вернулся в управление, где срочно созвал совещание оперативной группы. На нём были рассмотрены все материалы, которыми до настоящего времени располагало следствие, и все были ознакомлены с планом работы на ближайшее время.

Резко зазвонил телефон.

— Капитан Мирски слушает.

— Докладывает начальник группы наблюдения номер два. На левой руке жены Крыс-

пина Доброземского замечен перстень, который похож на изделия интересующего нас ювелирного комплекта.

– Это очень ценная информация.

– Но это ещё не всё. Одна из местных шлюх на допросе указала на фотографию Доброземского и сказала, что виделась с ним в ночном баре. Установлено, что это было как раз в ночь, когда убили садовника. Её слова подтвердили бармен и официант.

– Это неслыханно! Когда просматривал личное дело Доброземского, обратил внимание на его заявление на отпуск. Из него следовало, что старший советник «Интермаша» во время, когда были совершено это убийство, был в командировке. Выясните немедленно, выезжал ли он на какое-то время или оставался в городе. Это очень важно.

– Сейчас это выясним. Ещё какие будут указания?

– Нет. Пожалуй, все. Ведите наблюдение за Доброземской и установите, есть ли алиби у её мужа.

ГЛАВА 20

Приближался шестой час вечера. Мирски немного нервничал. Ходил по кабинету и ждал новых сообщений. По городу в разных местах были расставлены милицейские посты и был дан сигнал начать операцию под названием «Красный саквояж».

В кафе «Любимая» было уже довольно много посетителей, и среди них -- сотрудники милиции. Галина Романьска сидела одна за столиком и пила кофе. Со стороны это выглядело: дама кого-то ждёт. До шести вечера оставалось несколько минут, когда в углу бара зазвонил телефон. Буфетчица подняла трубку.

-- Кафе «Любимая», -- и услышала: «Пригласите, пожалуйста, к телефону Галину Романьску...».

-- Прошу минуту обождать.

Она отложила трубку и пригласила официанта. Через минуту он прошёл между столиками с чёрной табличкой, на которой мелом было написано: «Романьска – телефон».

Галину это не могло удивить, когда она увидела свою фамилию. Она встала и подошла к бару.

— Это вы, пани? — спросила буфетчица.

— Да.

— Прошу, разговариваете.

Дрогнувшей рукой подняла трубку.

— Слушаю.

— Звоню, пани, как договорились, деньги при вас?

— Да.

— Слушайте внимательно. За пани следят мои люди. Если пани хочет что-нибудь подстроить при передаче денег, первая пуля ваша. Мы готовы на всё.

— Слушаю пана...

— Прошу меня не перебивать. Через пятнадцать минут пани выйдет из кафе и направится к реке, в сторону железнодорожного моста. Пани знает, где он находится?

— Знаю.

— По нему пунктуально в восемнадцать сорок пять проходит скорый поезд, как раз в это время пани положит деньги на берегу у моста и уйдёт. Если пани выполнит все на-

ши указания, ваша мать к вам вернётся, и мы оставим вас в покое. В противном случае... вы понимаете меня, пани?

-- Да.

-- Повторяю. В восемнадцать сорок пять на берегу реки у железнодорожного моста пани оставит деньги.

-- Хорошо.

-- В чём находятся деньги?

-- В небольшом красном саквояже.

-- Хорошо, это всё.

Положила трубку и, как было условлено, подошла к столику, взяла саквояж и прошла в туалет, где ждала её дублёрша -- сотрудница милиции, офицер оперативной службы.

Они улыбнулись друг другу и вошли в одну из кабин. Там быстро поменялись платьями. Когда одна из них вышла из туалета, никому бы не пришло в голову, что это не Галина Романьска. Они были действительно очень похожи.

В тот момент, когда женщины занимались переодеванием, капитан Мирски разговаривал по телефону с техником телефонной связи.

– Разговор шантажиста с Романьской успели записать?

– Да, капитан.

– Откуда звонил?

– С уличного автомата, на расстоянии примерно три километра, где должны быть положены деньги.

– Машина наготове?

– Да. Ждёт. Радиостанция проверена.

– Спасибо. Сейчас спущусь к ней. Как только сяду, сразу отъезжаем.

Через несколько минут он был уже в машине..

– Всё хорошо?

– Да. Только наша сотрудница идёт слишком быстро. Может прийти раньше назначенного времени.

– Что ж, нервничает. Это вполне человечески. Ведь неизвестно, что может случиться.

– Поди, не отважится?

– Трудно предвидеть. Поедемте быстрей.

Шофер прибавил газу.

Ехали в сосредоточенном молчании. Никто не нарушал тишины. Все напряженно и с

нетерпением ждали сообщений с постов, расположенных поблизости от железнодорожного моста.

Эфир молчал, ни одна из передвижных радиостанций не выходила на связь. В тот момент, когда подъезжали к тому месту, которое им было обозначено по плану операции, Мирски посмотрел на часы. До подхода поезда осталось ещё пять минут. Остановились. Все закурили. Как только услышали гудок приближающего поезда, все потушили папиросы. Поезд приближался к мосту.

Мирски соединился с офицером, координирующим действия постов.

— Говорит Мирски, — голос у него стал хриплым и сдержаным, как будто ему что-то мешало в горле.

— Всё идёт согласно плану. Саквояж положила в указанное место в момент приближения поезда к мосту.

— Когда наша сотрудница подойдёт к указанному месту, прошу её посадить в машину и доставить в управление.

— Слушаюсь.

— А что с Романьской?

— Она уже в управлении.

— Это хорошо.

Сотрудники, находящиеся согласно заданию около моста и в его окрестностях, стали докладывать, что в зоне их наблюдения появился какой-то мужчина.

— Не задерживаете его, — в голосе Мирского чувствовалось напряжение. — Необходимо, чтобы он подошёл и забрал саквояж. Не мешайте ему. Наблюдайте за ним, но никаких действий. Докладывайте обо всей.

— Понятно.

Пока всё развивалось согласно плану операции. По очереди поступали сообщения от скрытых вокруг моста постов, подтверждающие предположение капитана.

— Наблюдаемый мужчина приостановился, оглядывается по сторонам... Подходит к месту, где стоит саквояж... Открыл его. Прoverяет... Закрыл саквояж, идёт в сторону дороги... Идёт в вашем направлении, капитан. Где его будем задерживать?

— В назначенному месте.

— Сейчас будет там. Идёт прямо на вас... Приближается к назначенному месту...

Мирски поднял трубку и нажал на радиостанции несколько клавиш.

— Это М-1. Вниманию всех постов: начинаем!

Мужчина с красным саквояжем шёл энергичным шагом в сторону центра города. Уже на первый взгляд было видно, что он чего-то остерегается и нервничает.

— Это он! — произнёс капитан Мирски чуть громче, чем обычно.

— Кто? Вы его знаете, капитан? — спросил один из офицеров, находящихся вместе с ним в машине.

— Да. Это Крыспин Доброземски. Первый зам. директора из «Интермаша». Значит — это он шантажист? Кто бы мог подумать! Человек на таком посту.

Об ошибке не могло быть речи. Мужчина держал в руке красный саквояж. Когда приблизился на расстояние нескольких метров, капитан надавил кнопку, и воздух разорвал пронзительный визг сирены. Мужчина остановился, засуетился на месте, потом бросил саквояж в сторону и бросился бежать.

Через минуту два сотрудника держали его за руки.

— Панове, по какому праву? В чём дело? — возмущался мужчина, пытаясь вырваться из рук милиционеров,

— Спокойно, гражданин. Сейчас всё выясним! Только необходимо взять то, что пан забросил.

— Это не моё! Отпустите меня! — возмущение задержанного возрастало вместе с отчаянием.

— Перестаньте сопротивляться!

Мирски был уже рядом с задержанным.

— Добрый день, пан Доброзенски!

— Пан меня знает?

— Пан удивлён?

— Откуда пан меня знает?

— Это пан узнает позже, — последовал уклончивый ответ, — может пан мне сказать, что это за саквояж, который он бросил? Что в нём находится?

— Не знаю, пан капитан, друзья подстроили мне эту штуку. Но, я им покажу! Запомнят меня!..

Проводник подвёл собаку к Доброземскому и попросил его дать понюхать собаке одну из штиблет.

-- Что это всё значит? -- снова возмутился он.

-- Пан ещё не понимает?

-- Чего?

-- Считал пана более сообразительным.

-- Не понимаю, о чём пан говорит.

-- Прошу это внимательно взвесить, -- Мирски указал Доброземскому на собаку.

Пёс в это время тронулся вперёд по направлению, откуда несколькими минутами раньше шёл задержанный.

Сели в машину, и она двинулась вслед за собакой. Доброземски уже ни о чём не спрашивал. Когда свернули с дороги в направлении реки, не выдержал:

-- Куда вы меня везёте? Я буду звать на помощь! Это нарушение закона! Это нарушение моих гражданских прав! Где разрешение прокурора? Где прокурор и адвокат?

-- Заверяю пана что, он будет разговаривать с одним и другим.

Когда подъезжали к месту, где полчаса назад стоял красный саквойж, несколько машин, расположенных вокруг этого места, зажгли фары, освещая всю эту территорию. На песке были отчётливо видны следы от мужской и женской обуви.

— Пан был здесь с девушкой?

— Не понимаю, пан капитан.

— Я ещё раз повторяю. Пан был с девушкой? Здесь следы мужские и женские.

— Я не буду отвечать на вопросы. Прошу отвезти меня к прокурору.

— Это не потребуется, прокурор сам сейчас прибудет. Предполагаю, что он очень обрадуется этой встречи с паном. Должен пану сообщить, что мы оба довольно давно ждём этой встречи,

Мирски едва закончил эту фразу, как к ним подошёл прокурор.

— Это задержанный пан Крыспин Добромирский, пан прокурор, — обратился он к нему.

— Пан прокурор, хочу вам изложить свою жалобу на действия этих панов.

— Что? Они нарушают закон?

— Прежде всего, они задержали меня на улице без всякого на то разрешения, а потом привезли сюда.

— Пан был здесь раньше?

— Не понимаю.

— Говорю, внятно, пан, был тут?

— Нет!

-- А откуда следы ваших ботинок?

— Которые?

— Эти. Только что появившиеся...

— Нет... В общем, это... -- начал он невнятно.

— И пёс пришёл сюда по следам, пана?

— Он мог спутать.

— Что пан тут делал без пятнадцати семь?

— Во время, когда здесь проезжал скорый поезд?

— Не было меня в это время.

— Почему пан говорит неправду? Имею сведения о совершенно противоположном.

-- Я буду жаловаться генеральному прокурору.

-- Пан имеет полное право на такую жалобу.

— Пан прокурор мне не верит?

-- Хочу сказать пану, что он имеет право, подавать жалобы и заявления в любое время следствия.

— Я этим воспользуюсь.

— Что в этом саквояже?

— Это не мой саквояж.

-- Несколько минут назад пан говорил, что это всё подстроили ваши коллеги, — вмешался капитан Мирски. — А как же это на самом деле?

— Теперь я говорю другое. Это не мой саквояж.

— А чей?

— Не знаю. Нашёл. Оставила какая-то женщина. Взял, чтобы отнести в управление милиции.

— В самом деле?

— Не верите? Проходил у реки и нашёл его. Видел, как женщина удалялась от этого места. Даже хотел позвать её, но подумал, что она испугается.

— А что было дальше?

— Хотел занести его в милицию. А тут началась вся эта галиматья. Меня задержали и привезли сюда.

-- Всё интереснее новости рассказывает пан, -- заметил ему прокурор, -- что в саквояже?

-- Не знаю. Не заглядывал в него.

-- Что ж, сделаем это сейчас.

-- Меня не интересует, что в нём есть.

-- Откройте, пожалуйста, саквояж, -- попросил прокурор одного из милиционеров.

Все присутствующие увидели в нём уложенные пачки денег.

-- Может пан сказать, за что их получил?

-- Я?

-- Да, пан.

-- За что пан получил? Потому что от кого, мы знаем, -- сказал Мирски.

-- Ничего не могу сказать.

-- Поедемте, капитан, -- произнёс прокурор. -- Мне кажется, что здесь всё ясно и больше ничего не выясним. Может, пан Доброземски станет разговорчивее в управлении.

-- Будем вынуждены отложить допрос Доброземского на более поздний срок, -- сказал Мирски прокурору, когда уже сидели в машине. -- В управлении ждёт нас жена Доб-

роземского, которую я велел пригласить. Вчера один из наших сотрудников заметил у неё на руке перстень, похожий на тот, который мы разыскиваем из комплекта Язи Романьской.

— Неслыханно!
— Пан хочет присутствовать при этом разговоре?

— Охотно. Думаете, пан капитан, что Доброземски может иметь отношение к этим убийствам?

- Не будем опережать факты. Трудно сию минуту сказать что-то определённое, считаю, что разговор с женой задержанного может внести ясность в это дело.

ГЛАВА 21

Прокурор и Мирски вошли в кабинет, где их уже ожидал полковник Янковски.

— Поздравляю! Всё прошло блестяще.
— Да, это красивая работа милиции, — подтвердил прокурор, — а сейчас нас ожидает одна неожиданность, которую приготовил капитан. Похоже, жена Доброземского име-

ет перстень, похожий на перстень из комплекта, который мы разыскиваем. Капитан попросил доставить её в управление.

-- Да, она ждёт.

Через минуту в комнату вошла молодая и красивая женщина. Была расстроена. В руке судорожно сжимала повестку. На лице выступал нервный румянец. Рука, в которой она держала сумочку, слегка вздрагивала.

Мирски попросил её сесть. Когда она села на указанное капитаном кресло и положила сумочку на колени, присутствующие увидели на её левой руке два перстня, один из которых со звёздочками. Смотрели, как завороженные, женщина смущалась:

-- Извините, могу я узнать, зачем меня сюда привезли?

-- Минуту, и мы выясним это, пани, -- ответил Мирски.

-- Разве нельзя было пригласить по телефону? Я бы пришла.

-- Мы очень спешили, -- и тут же Мирски добавил, -- у пани очень красивый перстень.

-- Да?

-- Нравятся мне у пани перстни.

Женщина повернулась в кресле и положила руку на стол.

– Интересует вас?

– Да.

– Уверяю, не ворованные. У меня есть квитанция. – Было заметно, стала нервничать ещё больше.

– Меня интересует история перстня со звёздочками. Можно его посмотреть?

– Прошу, – она с некоторым усилием сняла перстень и положила на стол.

– У кого пани его купила?

– Купила?

– Ну, не достала же?..

– Вот именно. Можно сказать, достала.

– У кого?

– Мне подарил муж.

Мирски встал и начал ходить по кабинету.

– Когда?

– Восемь лет назад. Подарил мне его на именины. Сказал, что привез из-за границы. Муж часто туда выезжает.

– Пани получила его от мужа? -- переспросил прокурор.

- Да. Но неужели вы мне не верите?

Ей никто не ответил. Её сообщение свидетельствовало о том, что Крыспин Доброземски может иметь отношение к Язе Романской.

- В чём, собственно, дело? Прошу, задавайте мне вопросы, я готова отвечать. Впрочем, вы могли с успехом спросить об этом моего мужа. Вижу, что он у вас был. Даже трубку оставил. Потом опять будет её искать.

Полковник взглянул на прокурора, тот на капитана, Мирски на полковника. Не могли просто поверить в то, что услышали минуту назад. Неужели трубка, найденная в оранжереи около трупа Завистовского, а это она лежала на столе и о ней говорила Доброземска, была собственностью задержанного?

- Пани уверена, что это трубка мужа?

- Кажется мне, да... хотя... можно её взять в руки?

- Пожалуйста.

Некоторое время рассматривала её, потом положила на стол:

... Да, это трубка Крыспина.

— Так что? Это действительно трубка вашего мужа, пани? — решил ещё раз уточнить прокурор.

— Да. Я же сказала. Кроме общего вида на ней есть следы зубов. Я запомнила выемку. Эту трубку он привёз из ФРГ.

На конце трубки действительно был выражительный след от зубов. Особенно в глаза бросалась одна глубокая впадинка. Очевидно, о ней и говорила Доброземска.

— Муж ведь был у вас? — спросила она.

— Он и сейчас здесь.

— Прошу вас скажите ему, чтобы не уходил домой без меня. Боюсь ходить вечером по улице. Сейчас в городе так беспокойно.

— Хотелось бы спросить пани, — Мирски не отреагировал на её просьбу и говорил медленно, как будто раздумывал вслух, — знаете ли вы пани Язу Романьскую?

— Кто это? Ах, это та, которая исчезла. Нет, не знаю.

— Муж никогда не говорил о ней?

— Нет. Никогда. Хочу сказать, что мы с мужем редко говорили о делах, нас не касающихся. Много проблем своих, и на раз-

говоры о чужих не хватает времени. Муж часто уезжает, и мы редко бываем вместе. А в последнее время... Правда, может мне только кажется, сильно изменился. Возможно, это наш век, а может усталость от работы повлияли на его состояние.

-- Следовательно, как пани сказала, муж никогда не произносил этой фамилии? -- Мирски на какой-то момент замолчал, но тут же добавил. -- А может, что-нибудь говорил о Монике Ясеньской или Добрек?

-- Тоже нет. Он вообще не разговаривал о женщинах. Меня всё предупреждал, что если узнает когда-нибудь о моей измене, просто убьёт. Он очень ревнив.

-- И что?

-- А ничего, пан капитан, -- опустила голову и слегка покраснела.

-- Муж у пани такой спокойный, а пани говорит о том, что он способен убить?

-- Пан не знает, какие бывают мужчины.

-- Он устраивал сцены ревности?

-- Не было повода...

-- Итак, пани не знала Моники Ясеньской или Моники Добрек и пани никто не гово-

рил об особе, носящей одну из этих фамилий?— капитан вернулся к прежней теме разговора.

— Нет, пан капитан.

-- А может, пани знала Завистовского?

— Этого садовника?

— Вот именно.

— Тоже нет. Но почему пан спрашивает меня об этих людях? Сначала пана интересует перстень, а потом он вдруг меняет тему разговора и начинает спрашивать о людях, которых никогда не знала.

-- Иногда так нужно. Муж разговаривал с пани об убийствах, произошедших в нашем городе?

— Я рассказывала ему об этом, когда он вернулся из Варшавы.

— Как он реагировал?

— Расстроился этим. Был, пожалуй, потрясён. Впрочем, об этом вы можете спросить его самого. Пан капитан говорил, что муж находится здесь...

— Пани спрашивала мужа о стоимости этого перстня? -- Мирски снова сменил тему.

— Нет. Дарёному коню в зубы не смотрят...

— Когда муж схватился о потере трубки?

— Уже давно. Спрашивал, не выбросила ли я её вместе с мусором.

— Спрашивал только раз?

— Да. Но потом, когда курил уже другую, всё время вспоминал эту. Твердил, что именно в этой табак особенно нравился, вот, наверно, нашёл.

— Муж часто уходил из дома?

— Как всякий муж. Я уже говорила, что он часто уезжал. А когда был в Радоми — всяко. Домоседом его не назовёшь.

— На ночь возвращался?

— Если уезжал, то, естественно, нет. Вы, очевидно, не знаете, что это за работа в главке торговли с заграницей. Вечно разъезды, больше находится вне дома, чем дома.

— У него есть какое-нибудь хобби?

— Любит читать книги, коллекционирует пластинки.

— В последнее время имел денежные затруднения?

— Не замечала этого. Много денег не имеем, но всегда несколько тысяч на книжке имеется.

— Не нуждался в более крупной сумме?

— Про такое не говорил.

— Муж обо всём рассказывал, пани?

— А вы обо всей рассказываете своим жёнам?

— Это всё. Спасибо, пани.

— А перстень?

— На некоторое время останется у нас.

Выдадим пани квитанцию. У нас не потеряется, поверьте нам.

— Что скажу мужу? Это его подарок.

— Мы ему скажем сами, а теперь прошу в соседнюю комнату, где пани подпишет протокол.

— А в качестве кого меня допрашивали?

— Конечно, в качестве свидетеля.

— Я могу отказаться от показаний?

— Это пани право. Если пани считает, что нечего нам сказать...

— Это я просто так сказала. Слышала, вроде такое право есть, но это не значит, что я им воспользуюсь, мне нечего скрывать.

Мирски проводил её в соседний кабинет, где уже ожидали офицер следствия и машинистка. Тут же вернулся в кабинет. К нему сразу подошёл полковник:

— Поздравляю, капитан. Убийца Завистовского в наших руках. Трубка!

— Да, именно эта трубка, полковник! — Мирски вспомнил, что осталась она на столе по недосмотру, а полковник, очевидно, посчитал, что он специально оставил её на столе.

— Я тоже присоединяюсь к поздравлениям полковника, — прокурор пожал руку Мирскому.

— Только как это всё одно с другим уважается? Имеет ли это связь и надолго ли? Преступник проглотил приманку, — начал говорить прокурор, — видно, очень нужны были деньги. Но что ж, денежки уже не одного довели до тюрьмы. Если бы не был такой алчный, похоже, мы бы долго искали

виновника, а может быть, и никогда не нашли.

В кабинет вошла секретарша и подала Мирскому какой-то листок. Тот прочитал его и произнёс:

— Всё к одному. Наша служба установила, что Галина Доброземска, жена Крыспина Доброземского, является любовницей Мирослава Порэбского.

— А ведь эта машина имела здесь огромное значение. Не без причины я упирался, чтобы Порэбекого не выпускать так быстро. Чувствовал, что он может вывести нас на убийцу, — в голосе прокурора проскальзывал триумф.

— Всё указывает на то, что Доброземский из мести забирал машину Порэбского, хотел на него свалить наши подозрения. Хотел таким способом отплатить ему за измену жены, — сказал капитан.

— Хотите ковать железо, пока оно горячо, капитан? — спросил в этот момент полковник.

— Это мой метод. Если не «расколется», как говорят, в течение ближайших часов, то

потом долго придётся над ним поработать. До настоящего времени этот метод приносил хорошие результаты. Попробуем ещё раз.

-- А что с женой Крысина Доброземского?

— Предлагаю пока оставить её в покое.

— Разумеется, ты хотел бы остаться один? — полковник обратился к капитану на «ты». Делал это очень редко, в минуты сильного волнения, когда был чем-то растроган. Было это с его стороны выражением уважения и дружбы к Мирскому. Он ценил его как хорошего офицера и доверял ему самые сложные дела.

В этот раз он тоже рассчитывал на опыт и знания капитана.

ГЛАВА 22

Мирски сидел уже за столом, когда в дверях появился конвойр и доложил о доставке задержанного Крысина Доброземского. Капитан указал задержанному на кресло и, когда тот сел, ещё с минуту приглядывался к

нему. Видно было, что это раздражает Доброземского, так как он, уловив его взгляд, опустил глаза.

— Пан капитан, я прошу свидания с прокурором.

— На это будет ещё время. А сейчас поговорим, как говорят, один на один.

— Я не скажу ни слова.

— Я буду задавать вопросы, а пан может не отвечать. Доказательств, отягчающих вину пана, имеем достаточно.

— Какие доказательства?

— Пожалуй, пан даёт себе отчёт, что мы долго ждали эту встречу.

— Со мной? Не понимаю, почему ждали именно меня?

Доброземский забыл о том, что минуту назад зарёкся молчать, и очень быстро дал втянуть себя в разговор.

— Потому, что пан оставил следы.

— Какие?

— Очень даже конкретные.

Капитан на этот раз немного утрировал, но давал себе отчёт, в надежде склонить за-

держанного к признанию совершённых преступлений.

— Какие же?

— Пан подозревается в убийстве!

— Что?

— В убийстве, и причём не одном, а...

— Может, дюжине?

— Но, не столько, не столько...

— Пан капитан шутит?

— А пан?

— Я говорю правду.

— А мне кажется, нет. Всё, о чём пан говорил до сих пор, свидетельствует о чём-то совершенно противоположном.

— Я только пытался принудить... это значит...

— А... пан говорит о деньгах Галины Романской?

— Да.

— Это только последнее преступление пана, одно звено из длинной цепи?..

— Что такое?

— Это только одно из звеньев цепи преступлений?

— Какой цепи?

- Убийства, которые пан совершил.
 - Не буду ни о чём говорить...
 - Пан мне одолжения не делает. Как я уже говорил, имеем достаточное количество доказательств, чтобы уличить пана в совершенных преступлениях. Недооцениваете нас, пан Доброземски.
 - Я не виновен!
 - Факты против пана, они свидетельствуют совершенно о другом.
 - Какие факты?
 - Неопровергимые, если пан хочет знать, совсем неопровергимые.
 - Это неправда! Прошу представить мне хоть один из этих фактов.
 - Сейчас пан его увидит.
- Задержанный умолк. Видно было, что он мысленно взвешивает свои шансы.
- Я хотел бы откровенного разговора, – сказал Мирски, внимательно разглядывая лицо своего собеседника.
 - Смотря о чём.
 - Я выдвинул пану вполне конкретные обвинения.
 - Я не виновен.

Капитан встал и стал медленно ходить по кабинету.

— Завистовского пан знал?

— Кого?

— Садовника Завистовского с улицы Лесной.

— Нет.

— А он пана знал?

— Не знаю.

— Когда пан видел его последний раз?

— Я его не знаю.

— Спрашиваю, когда пан видел его в последний раз?

— Не знаю его.

— Почему пан его убил?

— Я? Но... — Доброземски явно не выдержал атаки капитана, растерялся, руки начала бить мелкая дрожь, начал нервно моргать глазами.

— Пан капитан...

— То, что пан его убил, не подлежит никакому сомнению. Только почему пан это сделал?

— Я?

— Спрашиваю, почему?

- Пан капитан...
- Почему пан это сделал?
- Я это...
- Пан меня понимает? Почему пан ударил его ножом?
- Это неправда!
- Почему?
- Прошу доказательства.

Мирски положил на стол трубку, найденную около трупа садовника. Это почти парализовало Доброземского. Застыл в оцепенении и не сказал ни слова. Потом медленно опустил голову. Мирски не нарушал молчания. Он знал, что для обвиняемого наступил критический момент. Наступил он гораздо скорее, чем предполагал капитан.

Доброземски вынул из кармана пиджака носовой платок и дрожащей рукой вытер вспотевший лоб, а потом, не глядя в сторону Мирского, резким движением сорвал с себя зелёную бабочку.

- Можно воды?

Мирски подошёл к небольшому столику, на котором стоял графин с водой, налил

полный стакан воды и подал допрашиваемому.

— А закурить можно?

— Прошу. — Мирски подвинул в его сторону пачку сигарет «Экстра».

— Спасибо. — Доброземски глубоко затянулся, а потом, не вникая в суть своих действий, смял сигарету в пальцах.

Наступило длительное молчание. Прервал его через несколько минут капитан:

— Я думаю, пан понял, что наступил час расплачиваться за совершённое.

— Да, пан капитан.

— Слушаю.

— Это длинная история.

— У нас впереди много времени, — Мирски включил магнитофон, — слушаю.

— Десять лет назад случайно познакомился с Язой Романьской. Установились приятельские отношения. Позднее эти отношения изменились — она полюбила меня, в это время я был уже страстным игроком. В покер. Попал, мне кажется, в руки шулеров. Сначала дали выиграть несколько раз, а потом драли с меня шкуру каждый раз. Хоте-

лось отыграться и бросить. Безуспешно. Засасывало всё глубже. Азарт... пан понимает. Верил, что придёт день и счастье мне улыбнется. И это меня сгубило.

– Какое отношение это имеет к Язе Романьской?

– Она имела драгоценности, перешедшие ей по наследству. Я сказал, что дома их хранить опасно, и предложил передать их в сейф знакомого ювелира. Через какое-то время попросила меня взять на хранение. Они предназначались ее дочери. Хотела подарить в определенный день рождения.

– Пан действительно взял их у нее?

– Да, но ювелир сказал, что лучше, если хозяйка сама сдаст их ему. Оставил у себя. Некоторое время лежали без прикосновения. Были выигрыши, но однажды проиграл порядочную сумму. Надо было срочно оплатить долг. Решил их закладывать у другого ювелира. Они представляли собой целый комплект, большой стоимости, более миллиона золотых. Сначала взял два перстня, потом еще, и пошло... Когда взглянул однажды в шкатулку, там было пусто. Все проиграл.

— Всё?

— Да. Впрочем, нет. Последний перстень... подарил жене.

— Что произошло потом?

— В конце прошлого месяца позвонила мне Яза и попросила вернуть драгоценности. Хотела всё вместе со шкатулкой подарить дочери в день именин. Я извёлся, не зная, что делать. Долго думал над выходом из этого положения, но безрезультатно. Пришёл к заключению, что выход только один — навсегда избавиться от этой женщины. Я был уверен, что никто не будет меня подозревать. Наше знакомство было тайным, виделись мы только у неё, когда она была одна. Приходил к ней всегда поздно, предварительно договариваясь об этом. Никто никогда не видел, как я к ней заходил и как уходил от неё. Тем более, что когда мне было необходимо, я мог оформить командировку в Варшаву, но не ездить туда, оформив документы через приятеля.

— Почему пан так тщательно скрывал эту связь?

– Нам обоим было выгодно держать её в секрете. Я ведь женат.

– Что было дальше?

– Когда окончательно обдумал план действия, позвонил Язе и предложил вместе съездить за украшениями, сказав, что они хранятся у одного знакомого ювелира. Ничего не подозревая, она согласилась. Приехал за ней поздним вечером. Она ждала меня.

– Дальше.

– Я убил ее, – он опустил голову, – задушил и утопил в омуте в стороне от железнодорожного моста.

– Пан убил женщину, которая его любила?

– Что мне оставалось? Боялся, потеряю всё что имею, а я ведь уже не молод, чтобы начинать жизнь с начала.

– Это всё?

– Да.

– А почему пан шантажировал Галину Романьскую?

– Нужны были деньги, снова проиграл большую сумму. На работе один из коллег

сказал мне, что она унаследовала после отца крупное состояние, а мне, как уже сказал, очень нужны были деньги. Приближался срок уплаты долга за проигрыш в последней игре. Не получилось, влип...

— Пан знает, кто такая Галина Романьска?

— Да, она дочь Язы Романьской.

— Она не является дочерью Язы Романьской.

— А чья же?

— Романьска её удочерила. Настоящая мать Галины Романьской, Моника Добрек.

— Моника? Моника Добрек? Но...

— Пожалуй, она для пана не является посторонним человеком? — Мирски достал из толстой папки, лежащей на столе, стодолларовую банкноту. — Из всей суммы, привезённой гражданкой Добрек, нам удалось к настоящему времени отыскать только эти сто долларов. Но это достаточно. Мужчина, который купил эту сотню, узнал вас на фотографии... как лицо, которое продало ему эти сто долларов. Следовательно?..

— Я знал Монику Добрек. Больше. Она была моей женой. Но это было очень давно. Во время войны. Познакомился с ней в одном городке под Парижем.

— Она говорила, как попала во Францию?

— Осенью 1939 года уехала в Чехословакию, а потом с каким-то французом через Австрию в Италию морем во Францию. Очень мне понравилась, мы поженились. А было так. Работал тогда водителем у владельца нескольких грузовиков. Тот имел молодую и красивую жену, Монику. Околдовала меня. Вскоре завладела мной окончательно. Стал её любовником. Как-то раз сказала мне, что нужно убрать с нашей дороги её мужа, потому что она хочет стать моей женой. Она придумала и предложила план его устранения. Её муж был хороший автомеханик и всё ремонтировал сам. Она решила этим воспользоваться. Велела мне подпилить один из домкратов, которыми он поднимал машины во время ремонта. Так однажды он поднял для ремонта десятитонную машину. Достаточно было ударить по

ней молотком, чтобы она всей тяжестью придавила его.

— И пан сделал это?

— Да. Но счастье не сопутствовало нам. Подумывал даже о её убийстве, чтобы всё скрыть, но не хватило самообладания. Запаковал свои вещи и уехал, оставив этот городишко и Монику.

— Что пан делал потом?

— Покинул Францию. Улетел сначала в Италию, а потом в Африку. Оттуда, уже после войны, вернулся на родину.

Когда был в командировке за границей, совсем случайно на одной из улиц Лондона встретил Монику. Обрадовалась очень, ждала меня несколько лет, потом вышла замуж за какого-то старого англичанина. Тот, умирая, оставил ей крупное состояние. Была богата. Просила остаться в Лондоне. Не мог. Здесь имел жену, жилось мне неплохо. Недавно приехала в Польшу как туристка. При случае хотела увидеться со мной. Искала меня долго. Я же сменил фамилию. Наконец ей удалось напасть на мой след. Встретились

с ней в гостинице, в которой она остановилась. Снова просила, чтобы уехал с ней в Лондон. Я не дал ей конкретного ответа. Договорились встретиться на следующий день. Уже в Радоми.

На автомобиле Порэбского, который я у него угнал, поехали в лес. Моника старалась убедить меня и во время дороги, что я должен с ней уехать. Я понял, что не смогу от неё избавиться. У меня не было выбора. Решил ее... понимаете?... Думал: никто никогдa не узнает, что с ней произошло. Увы, когда въезжал в лес, увидел нас Завистовски. Единственный свидетель.

— На сегодня хватит. Завтра вернёмся к этому разговору. Мы должны ещё много выяснить.

Мирски нажал кнопку, и через минуту конвойный увёл задержанного. В комнату вошли полковник и прокурор.

— Поздравляю! Не думал, что это у вас пойдёт так гладко, — похвалил своего подчинённого полковник, — наверно, сможем через несколько дней вернуться домой.

-- Браво, капитан! Я тоже поздравляю, -- прокурор пожал руку Мирскому.

-- Что хотите делать? Может, пойдём спать? -- спросил полковник.

-- Хотел бы ещё пару минут переговорить с Порэбским и женой Доброземского. Должен их проинформировать о всём этом деле.

-- Тогда мы подождём вас у дежурного, а потом прошу вас к себе на крепкий кофе, -- сказал прокурор, выходя вместе с полковником из кабинета.

-- Хорошо, постараюсь побыстрей закончить эту беседу.

Владислав КРУПИНЬСКИ

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ
(повесть)

Перевод с польского
Т. Н. Федорова

Компьютерный набор
и верстка – *Н. А. Трофимова*
Корректор – *Л. Д. Яковлева*
Обложка:
Художник – *Т. Н. Федоров*

Сдано в набор 30.04.2007 г.
Подписано в печать 19.06.2007 г. Формат 60x84¹/₃₂. Бумага
снегурочка.

Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 6,62. Тираж 250 экз. Заказ 4903.

Отпечатано в ООО «Полиграфист».
Кемеровская обл., г. Березовский, ул. Мира, 38.